

Выйти замуж любой ценой

Автор:

Татьяна Полякова

Выйти замуж любой ценой

Татьяна Викторовна Полякова

Мое самое страстное желание – удачно выйти замуж. И вот я у заветной цели – после продолжительного романа мой шеф Юрий наконец-то сделал предложение руки и сердца. Не зря я потратила на него полтора года. И тут судьба подставила мне подножку – наутро после вечеринки я проснулась в постели с симпатичным молодым человеком. Но им оказался вовсе не Юрка. О боже, как это меня угораздило?! Ко всему прочему нас в квартире было трое. Я, Платон Протасов и неизвестная женщина, которую мы обнаружили на кухне с ножом в груди. Теперь жениху точно станет известно о моем адюльтере! Но что такое не везет, я узнала на следующий день, когда нашла еще один труп – теперь уже в собственной квартире, мало того, прямо в моей постели...

Татьяна Полякова

Выйти замуж любой ценой

© Полякова Т.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Первая мысль – на работу идти не надо – вызвала вздох облегчения.

– Слава тебе, господи, – пересохшими губами прошептала я и открыла глаза. Преждевременно. Потолок надо мной начал стремительно вращаться, опасно приближаясь. Я поспешно зажмурилась. Так-то лучше. Сегодня выходной. Я определенно помню, что вчера была пятница, тринадцатое, на этот счет Светка пару раз плоско пошутила. Пятница, тринадцатое, бла-бла-бла...

Итак, сегодня суббота, выходной... а вчера была пятница... мамочка, голова-то как болит... Еще бы ей не болеть... сколько мы выпили? Б-р-р... Девушкам стоит быть благоразумней... У меня был повод... И тут холодная лапа сомненья легонько коснулась моей груди, я вздрогнула и подумала в ужасе: а вдруг мне все приснилось? Не пьянка-гулянка, в этом-то сомнений как раз нет, коли голова трещит. Стоит глаза открыть, и сразу «вертолетики». А вкус во рту... сами знаете какой... Сомнения вызвал факт Великого События, вдруг я напилась не от большой радости, а с горя?

Превозмогая тошноту и головокружение, я вновь открыла глаза, одновременно приподняв руку, и уставилась на безымянный палец, ахнула в ужасе, вновь помянула маму и уже готовилась заорать в голос, но все ж сообразила поднять вторую руку, как всегда, перепутав левую с правой. И вместо вопля отчаяния пискнула от счастья. Палец украшало кольцо белого золота с бриллиантом в два карата, исключительной чистоты и прозрачности. Юрка таки сделал мне предложение, и я, конечно, сказала «да». Еще бы не сказать, учитывая, что я потратила на него полтора года своей жизни, терпеливо и методично расставляя капканы и направляя в них этого гада гигантским напряжением своей воли. Хотя теперь называть его гадом как-то неловко. Предложение сделал по всем правилам, кольцо подарил...

Свадьбу решили сыграть осенью, а вчера съездили в салон, где я примерила парочку свадебных платьев. Юрка готов был купить их в тот же самый миг... Благородно... но я решила продлить удовольствие, повыбираю еще немного. Юрка-душка, плевать, что столько крови выпил. «Брак – это предрассудок», – мысленно передразнила я теперь уже законного жениха. Фигушки, не отвертись, все эти разговорчики «поживем вместе, а там посмотрим» у нас не пройдут. Либо женимся, либо и смотреть нечего. Риск был велик. Но я рискнула и выиграла.

Юрка не просто жених, а жених завидный. Хозяин фирмы, в которой я уже два года работаю. Дела у нас идут прекрасно и обещают быть еще лучше. Мне ли не знать? На работу меня устроила подруга, дай ей бог здоровья. Она же первой сообщила, что хозяин – холостяк, добавив «закоренелый». Баб пруд пруди, но все как одна зубы об него пообломали. Больше полугода никто не держится.

Впервые увидев Юрку, я констатировала с печалью, что он вовсе не является мужчиной моей мечты. Среднего роста, малоприятной упитанности, уже плешивый, с крохотными глазками (чуть не сказала пороссячьими) и не то чтобы молод, две недели назад ему стукнуло тридцать шесть. Девять лет разницы, хотя как раз это я легко переживу. Выяснилось, что он не так уж и умен (а на хрена мне умник), на руку не чист (мне с ним что, в карты играть?), готов приударить за любой юбкой (да на здоровье)...

Короче говоря, у него масса недостатков, но есть одно несомненное достоинство: он жених с приданым, а я мечтала выйти замуж, усвоив первую и единственную истину, которую вдалбливала в мою голову мама лет двадцать кряду: баба без мужа – ошибка природы. Сама мама замужем уже седьмой раз. Я решила ограничиться одним браком, но жить намеревалась в довольстве и радости. Дом – полная чаша, отдых за границей, дорогие подарки к красным датам календаря. Можно без любви, но с комфортом. С любовью, если честно, у меня вообще не очень. Так и не удалось встретить мужчину, которого бы я полюбила чуть больше себя... или хотя бы немногим меньше... и это при том, что завидной невестой я вовсе не была. То есть я, конечно, красotka, но богатеньким папочкой похвастать не могу. Дипломчик скромненький, обычная двушка (спасибо покойной бабуле) и должность начальника отдела с приличным окладом, но без особых перспектив. Богатые женихи вокруг не толпились, оттого я и решила: Юрка – вариант.

– Только зря время потеряешь, – хмыкнула Светка, безошибочно распознав мои намерения, чем лишь раззадорила.

Я поспорила на ящик шампанского, что хозяин будет у меня с рук есть, тем самым отрезав путь к отступлению и в корне уничтожив сомнения: а стоит ли Юрик моих стараний? Пари заключено, надо действовать, а не рефлексировать.

Я начала с образа скромницы, которая благоговеет перед своим начальником. Он был падок на лесть и клюнул, стал оказывать знаки внимания, потихоньку увязал... И все же потребовалось полтора года, чтобы он сделал мне

предложение... никогда этого не прощу скотине. Угробленного на него времени, я имею в виду. «Ничего, – злорадно решила я. – Впереди у нас целая жизнь, успею отыгаться».

До свадьбы придется прикидываться влюбленной дурой, не то, чего доброго, с крючка сорвется, а уж потом... Я плотоядно усмехнулась и решила, что месть Юрке подождет, сейчас бы водички холодненькой... или пива. А почему бы и нет? Выходной, могу хоть весь день в постели валяться. Главное – собраться с силами и добрести до холодильника. Пиво там точно есть. Две бутылки. Вряд ли я их вчера выпила. Пить мы, кстати, начали со Светкой, после того, как Юрка сделал мне предложение. То есть сразу после этого я могла лишь таращиться на кольцо, с легкой икотой от переполнявшего меня счастья. Потом мы с Юркой отобедали в ресторане «Гончаров» (очень дорого и респектабельно). Если уж точно придерживаться событий, то Юрка сначала пригласил меня на обед в ресторан, вызвав удивленные расспросы «что у нас за дата?», потом сделал предложение, встав на одно колено (официантки вздыхали от зависти, да что официантки, я сама себе завидовала), вручил кольцо, я, всплакнув, сказала «да». Мы закружились в танце (Юрка дважды наступил мне на ногу, но так собой восхищался, что этого не заметил, а мне пришлось делать вид, что я этого тоже не заметила), затем мы еще дважды выпили за наше счастье, и Юрка сообщил, что уезжает в Санкт-Петербург на конференцию. Проживание за счет устроителей, поэтому меня он взять с собой не может. Просил не огорчаться. Я и не планировала, представляя во всех красках, как продемонстрирую Светке кольцо на пальце и заору, подняв над головой сжатый кулак:

– Yes, я сделала это!

После посещения свадебного салона я, изнывая от нетерпения, проводила жениха на пятичасовой поезд в Питер и тут же набрала номер подружки.

– Ты в офисе? Бросай все и приезжай ко мне.

Я отправилась домой, но Светка перехватила меня еще по дороге. Истошно сигналив, неподалеку притормозила ее новенькая «Хонда», подружка помахала мне рукой в открытое окно, и я бросилась к ней, наплевав на заповедь «по газонам не ходить», и тут же продемонстрировала кольцо на пальце.

– Зашибись, – сказала Светка. – Ящик шампанского в багажнике, вторую неделю вожу.

– Да ладно, – хмыкнула я.

– Честное офисное, – засмеялась она. – Ясно ж было, что шефу нашему конец. В отделе ставки делали, когда он рухнет к твоим ногам, до дня рождения или после. Я решила, что до дня рождения продержится, думаю, десятку как минимум выиграла. Так что шампанское, считай, отбила. Ну, что, подруга, не вижу повода не выпить.

Начали мы на парковке, куда определили Светкину машину. Достали из багажника две бутылки, пробки полетели вверх, шампанское пенилось, мы чокнулись бутылками и выпили залпом то, что не успело разлиться пенистой влагой по капоту и асфальту. Потом открыли еще бутылку и теперь пили обстоятельно, не торопясь, смакуя напиток и новость.

– Пятница, тринадцатое, – вспомнила Светка, – нашел время предложение делать, придурок.

– Да по фиг, – ответила я.

– Ага. Жизнь у него по-любому будет не сахар. Я в тебя верю, подруга. Хоть одного гада, но прижали.

– Прикинь, мы в салон ходили, он хочет сам купить мне платье.

– Надеюсь, платьем он не отделается. А в свадебное путешествие куда?

– Пока не знаю. Что-нибудь экзотическое. Буэнос-Айрес... точно. Попытаюсь научить его танцевать танго.

– Дохлый номер... Хотя теперь я не сомневаюсь, если ты чего-то решишь, то своего добьешься... Мне стыдно, что я в тебе сомневалась.

– Это было нелегко, – вспомнив загубленных полтора года, вздохнула я.

– Тем слаще победа...

Прервав воспоминания, я приподняла голову, решив собрать волю в кулак и отправиться за пивом... или любой другой жидкостью. И неожиданно вспомнила, что маме я вчера так и не позвонила. Впрочем, радостное известие может и подождать. Мама наверняка потребует познакомиться ее с Юркой, а торопиться с этим не следовало. Не зря говорят, хочешь представить свою жену через двадцать лет, взгляни на тещу. Это явно преждевременно, пока я еще не жена. Мама с ее седьмым замужеством и вольностью речи... зря я так. Мамуля, расчухав ситуацию, вполне способна вести себя образцово. Каждый из ее мужей искренне верил, что заполучил сокровище. Правда, с последним мужем мамуля дала маху... Но не будем портить миг счастья незначительными неприятностями. Итак, выпить пива, позвонить маме...

Тут взгляд мой сфокусировался, и я икнула от неожиданности. Это не моя спальня. Не Светкина. И не Юркина. Хотя у меня есть ключи от его квартиры, и, отправляясь в Питер, он заявил, что ему будет приятно, если я поживу у него. «Ах, нет, нет, совместную жизнь начнем после свадьбы...» – это мой овечий лепет.

Во-первых, пьяной в его квартиру я бы вряд ли поперлась, у него соседи просто обожают стучать друг на друга, во-вторых... во-вторых, это совершенно определенно не его спальня. Она мне известна очень даже хорошо, а здесь ничего общего. И куда меня занесло? Я повернула голову, вновь сфокусировав зрение, и глухо простонала, а потом полезла под простыню, бормоча сквозь зубы:

– Блин, блин, блин...

Это неизвестная мне спальня, и я в ней не одна. Краткий обзор моих прелестей показал: из одежды на мне лишь один чулок, болтается в районе щиколотки.

«На кой черт мне чулок, да еще черный в середине июня? О чем это я? Какой, на хрен, чулок? Кто со мной рядом?» Рядом был совершенно голый мужик.

– Упс...

Хотя логично, если я в одном чулке. Я с перепугу смогла приподняться на локте, в робкой надежде, что это Юрка. Чего-чего, а изменять ему я не планировала. Он обеспечивает мне комфортную жизнь и вправе рассчитывать, что моими прелестями обладать будет в одиночку. Все честно. Вдруг Юрка вернулся...

Рядом лежал красавец-брюнет, волосы до плеч, чеканный профиль, пухлые губы... Офигеть, как хорош, даже приоткрытый рот его не портит. Спящий Юрка, да еще с открытым ртом выглядит на редкость глупо и уж точно совсем не сексуально. Надеюсь, вчера я получила удовольствие... жаль, что ничего не помню. Это даже обидно: впервые за полтора года такое сокровище, и ни малейших воспоминаний... Стоп. У него редкое имя. Греческое. Точно. Я еще подумала, какой-то древний грек, бог знает чем знаменитый, хотела в Интернете посмотреть, но что-то помешало.

Воспоминания вдруг начали слабо просачиваться. Допив третью бутылку шампанского, мы с подругой на такси отправились в клуб. Там встретили Димку Шевчука, понятное дело, выпили. Я похвалилась кольцом. Димка меня поздравил. Он довольно быстро набрался и потащил нас в «Звездную пыль», ночной клуб, где был завсегдатаем. Шикарное заведение, с ограниченным доступом. Для своих, одним словом. Шевчук там точно свой, встретили как родных. Димка подцепил долговязую девицу и вскоре отбыл, правда, перед этим нудно извинялся, что оставляет нас одних, зато в приличном месте среди приличных людей. Откуда-то выплыла картина: я за столом, напротив красавец с именем древнего грека, я пью очередную порцию текилы и с грохотом переворачиваю рюмку... вариация на тему «Индианы Джонса». Помните, безбашенная девица лакает спиртное, а вокруг делают ставки? Меня всегда тянет малость выпендриться. Особенно когда выпью, особенно когда полтора года трудов позади...

Воспоминания так же внезапно оборвались. Но остальное вообразить нетрудно. Я набралась до такой степени и до такой степени навыпендривалась, что оказалась в спальне древнего грека, как же его зовут-то? Геракл. Да ладно... Еще я знаю Ахилла и его друга Патрокла. Может, правда Ахилл? Идиотка, я могу лишиться возжеленного замужества, и все из-за желания покрасоваться... Без паники. Надеюсь, мы не сливались в объятиях на виду у всего клуба, а интеллигентно его покинули, не привлекая к себе внимания. Но даже если привлекли, все не так страшно. Человек проводил меня до такси... Юрка терпеть не может ночные клубы, и в «Звездной пыли» точно не был ни разу. Вряд ли у него там много друзей. Слух еще должен дойти до него... Если вообще дойдет.

По истечении времени, когда мало кто помнит точные даты, все можно опровергнуть. На всякий случай я ночевала у мамы. Мама легко подтвердит. Теперь главное решить, что следует делать? Подняться, найти одежду и тихо смыться? Или разбудить грека и возобновить знакомство? Из вежливости. Все-таки обидно, что я ничего не помню. Было что или не было? И если было, насколько хорошо? Мне переживать, что это не повторится, или, наоборот, радоваться? Судя по тому, как мы набрались, вряд ли это был лучший секс в моей жизни. А сейчас парень и вовсе не порадует, в смысле, если он на что-то и годится с похмелья, то я – однозначно нет. Мысль лишний раз пошевелиться вызывает гневный протест. И, слава богу, вдруг он не только красавчик, но и суперлюбовник? А у меня замужество на носу. На фигу козе баян, а мне лишнее расстройство. Тихо встаем и сматываемся.

И тут он открыл глаза. А я засомневалась, так ли хорошо выгляжу, потому что парень совершенно точно испугался. Надеюсь, это от отсутствия воспоминаний, а вовсе не из-за помятости моей физиономии. Хотя внутренний голос бурчал: куда ж без помятости, когда стены кружатся, а во рту заночевала армия кошек. Не удивлюсь, если умыться вчера я не соизволила. Девушка с размазанной по лицу косметикой, благоухающая перегаром... чего б мне пять минут назад не смыться?

– Привет, – произнес красавчик и сделал попытку улыбнуться.

– Привет, – кивнула я и шустро поднялась с постели. Моей одежды рядом не наблюдалось, одинокий чулок волочился по полу. – Не знаешь, где моя одежда? – спросила я.

– Наверное, в ванной. Это там, – он ткнул пальцем в стеклянную дверь.

– Отвернись, – буркнула я, направляясь к той самой двери.

– Да, конечно, – кивнул он испуганно и отвернулся.

В круглой ванне стыла вода, на полу свечи, успевшие оплыть и потухнуть, и вещи, его и мои вперемешку.

– Придурки, – пробурчала я. – Как только пожар не устроили.

Очень хотелось принять душ, но я решила, что в квартире Грека лучше не задерживаться. Главное, поскорее домой добраться, привести себя в форму, потом разведать, что вчера было и какие есть слухи на этот счет. Очень надеюсь, что никаких. Тут я взглянула на себя в зеркало и испуганно охнула. Физиономия бледная до жути, тушь осыпалась, подводка размазалась, губы потрескались, глаза красные... Ужас. Я выпила воды прямо из-под крана и еще раз взглянула на свою физиономию. «Так ему и надо, – подумала со злостью о Греке. – Таскает в дом кого попало».

Я умылась, расчесала волосы найденной здесь же расческой и с наслаждением почистила зубы, наплевав на то, что щетка чужая и бог знает, кто ею тут до меня пользовался. От холодной воды на щеках появился слабый румянец, покраснение век теперь менее заметно, может, красавицей меня еще не назовешь, но достоинства уже проглядывают.

– Да мне этот Грек вообще по фигу, – пробормотала я и поспешно оделась. На счастье, полный комплект был здесь, даже второй чулок нашелся. «Точно, не мой», – твердо решила я и отправила оба чулка в мусорное ведро. Теперь спокойно выйти, найти свою сумку и двигать отсюда.

Грек, который вряд ли был греком, сидел на краешке постели в белом махровом халате. «Должно быть, из отеля спер», – с ехидством решила я. На кармашке логотип известной фирмы, нет, не из отеля. Офигеть какой красавчик, и это с перепоя. Может, правда грек? С чего вдруг? Брюнет и физиономия загорелая. Загорелая, а вовсе не смуглая. Кончай на него пялиться.

– Уходишь? – с нотками облегчения в голосе, заботливо спросил он.

– Да, пора, – кивнула я, направляясь к двери. – Где же моя сумка?

– Наверное, в холле. – Он поднялся, сделал пару шагов и распахнул передо мной дверь из спальни. Кашлянул и неуверенно продолжил: – Классно вчера повеселились.

– Ага, – согласилась я.

– Было здорово, – звучало это скорее как вопрос.

– Очень. У тебя редкое имя, – брякнула я, неужели он и вправду Ахилл?

– Что? Ах, да. Редкое. Платон, – он протянул мне руку, мутно взглянул на нее и теперь вроде бы не знал, что с ней делать дальше.

Не желая обострять ситуацию, я ее пожала и сказала, раздвинув рот до ушей:

– Он вроде был философ.

– Точно. И придумал байку об Атлантиде.

– Иди ты, а я думала, она и вправду существовала.

– Может, и так.

– Ты интеллектуюал, – сказала я со вздохом.

– Родители доставали с этим греком, пришлось прочесть. Дурацкое имя, неудивительно, что ты его не запомнила.

– Мое обычное, но ты его тоже не помнишь, – малость разозлилась я.

– Надя? Нет... Оля?

– Ира.

– Очень приятно, – пробубнил он. – Не обидишься, если я не пойду тебя провожать? Такси я уже вызвал...

– Спасибо.

– Деньги есть?

– Надеюсь, главное, сумку найти.

Мы наконец-то покинули спальню и оказались в огромной гостиной, которая плавно перетекала в холл, выдержанный в серебристо-белых тонах. Отличная квартира. Панорамное окно... Богатенький красавчик, отличный дом, отличный вид, роскошная обстановка, но я во все это не вписываюсь. Мне уже вызвали такси. И слава богу... Я девушка с серьезными намерениями, а с этим одно беспокойство.

К большому облегчению, я заметила свою сумку, которая валялась на мраморном полу, прямо возле входной двери, и ускорила шаг. Платон вдруг замер в трех шагах от меня и, ошалело глядя в сторону кухни, произнес:

– А это откуда?

Без всякого интереса проследив его взгляд, я увидела сидящую в кресле женщину. Сидела она к нам спиной, так что видна была лишь откинутая в сторону рука да кончик носа, но рука, прикрытая батистом в мелкий горошек, не оставляла сомнений: в кресле женщина...

– Черт, – сквозь зубы прошипел Платон. – Так мы не одни были?

Вопрос вызвал сомнения. Могла рука в батисте принадлежать Светке? Никаких воспоминаний, как она была одета накануне, не осталось. Но батист, да еще в горошек... А если не Светка, то с кем мы вчера пили?

Не сговариваясь, мы с Платоном сменили траекторию и через мгновение замерли перед креслом. Тут челюсть у меня отвисла, а вслед за мной и у Платона. Соображала я, конечно, не очень, но открывшаяся картина не оставляла сомнений: перед нами труп. Во-первых, такого жуткого лица я сроду не видывала, во-вторых и в-главных, в груди ее торчал нож, вошедший в тело по самую рукоять. На тонкой ткани расплзлось пятно, совсем небольшое, а вот рукоять ножа выглядела зловеще и нелепо одновременно. Как будто не взаправду. Я бы решила, нас попросту дурачат, если б не лицо женщины. Жуткое. И при этом смутно знакомое. Точно, я ее уже видела раньше.

– Твою мать, – нараспев произнес Платон, а я вознамерилась орать, вдруг легче станет? – Откуда она взялась? – Платон взглянул на меня с таким видом, точно я обязана знать ответ на его вопрос, и тут же схватил меня за руку.

Но я шустро отпрыгнула в сторону и заголосила:

– Не трогай меня...

– Ты что, думаешь... спятила? Черт... откуда она здесь и кто ее убил?

– Ты меня спрашиваешь? – передвигаясь ближе к двери, заволновалась я. – Я ничего не помню. И ничего не видела. И эту тетку тоже.

– Как не видела, когда она перед тобой сидит.

– Меня ждет такси, – напомнила я.

На сей раз Платон схватил меня за руку куда крепче.

– Какое такси? – зашипел сердито. – У нас труп, понимаешь?

– Не у нас, – покачала я головой. – У тебя. Я здесь ни при чем.

– А я, по-твоему, причем? Я ни черта не помню...

– Я тоже. Мне тетку убивать ни к чему, я ее знать не знаю. А ты?

– Господи, – простонал он, обхватив голову одной рукой, второй продолжая держать меня. Это горестное «Господи» давало основание заподозрить, что женщину в кресле он все-таки знал. – Как она вошла? Кто ее убил? – спросил он.

– Ты меня спрашиваешь? Кстати, такси давно ждет...

– Какое такси? До тебя что, плохо доходит? У нас труп. Надо в полицию звонить.

При слове «полиция» я похолодела от ужаса. Все, накрылась свадьба. Плод полутрагодичных усилий выскользнет из рук.

– Послушай, – рассудительно начала я, сообразив, что слишком многое поставлено на карту. – Давай ты с полицией сам разберешься. Пользы от меня

никакой...

– Мы спали в одной постели, ты все время была со мной...

– Не пойдет, – сурово перебила я, – меня тут не было.

– Как это не было? – растерялся он.

– Очень просто. Не было, и все. У меня скоро свадьба... И что, по-твоему, я должна сказать своему жениху... короче, меня здесь не было. Полицейским про меня расскажешь – тебе же хуже. Заявлю, что на меня наговариваешь...

– Ну, ты и... – покачал он головой, глядя на меня с большой неприязнью. – Ты понимаешь, что я могу ни за что в тюрьме оказаться?

– Кто сказал, что ни за что? Откуда-то эта тетка тут взялась? Со мной ты точно в тюрьме окажешься. Ты умный парень, интеллектуал, придумай, как выкрутиться, меня во все это не вмешивая.

Я еще раз взглянула на женщину в кресле, без всякого к тому желания. Ее лицо притягивало взгляд, и я вновь подумала, что где-то совершенно точно ее видела. Но в настоящий момент лучше не гадать, где и когда произошла наша с ней встреча, а смыться и уж гадать потом.

Я направилась к входной двери, Платон опять попытался меня задержать.

– Совесть у тебя есть? – спросил сурово.

– Что за глупости? – возмутилась я. – Сказано тебе: у меня свадьба.

– То есть совести у тебя нет?

– Есть. Но своя рубашка ближе к телу. Не собираюсь я лишаться личного счастья...

– Личное счастье... – передразнил он. – Замуж собираешься, а спишь с кем попало.

– Ты производил впечатление вполне приличного парня, – отрезала я. – Сам подумай, ну чем я тебе помогу? – перешла я на легкое нытье. – Я ведь ничего не помню. Ни как здесь оказалась, ни что было после...

– Надеюсь, ничего не было, – буркнул он, очень на меня злясь. – Ты не из тех, с кем приятно делить постель. Не поможешь мне, и я твоему жениху настучу, как ты время проводишь.

– Шантаж, – попеняла я, – недостойное занятие для мужчины.

– Что я думаю о тебе, лучше попридержаться...

– И правильно, – кивнула я, решительно устремившись к двери. – Поверь на слово, у одного тебя шансов выкрутиться больше. О трупке я никому не скажу, можешь не сомневаться.

– И как мне это поможет? – рявкнул он.

– Я тебе помогать не нанималась, – тоже рявкнула я в большой досаде и наконец-то выскочила из квартиры.

Может, совести у меня и немного, но она вдруг принялась беспокоить. Древнего грека отчего-то было не то чтобы жаль... просто собственная роль мне не очень нравилась. Я привыкла думать о себе как о девушке, может, и не выдающейся нравственности, но уж точно не плохой. И нате вам: жениху изменяю, да что там, если уж совсем честно, замуж иду из корысти. Будь я богатой невестой, в Юркину сторону и смотреть бы не стала. И Платона этого бросила в тяжелейшей ситуации. А что мне, в самом деле, на себя в полицию заявлять? Глупость. Я знать ничего не знаю, Платону не помогу и себе жизнь изрядно подпорчу. И жениха лишусь, и наживу неприятностей. К тому же у нормальных людей трупы в кухне с утра не сидят. Может, он меня нарочно к себе заманил, для алиби... Как-то в это не верилось, но при мысли о том, что Грек – личность темная, на душе становилось куда спокойнее. Пусть сам с трупом разбирается. А если он все же полицейским обо мне расскажет? Просто из вредности? Стану все отрицать...

В этот момент я как раз выходила из лифта и взгляд мой пал на видеокамеру, установленную напротив.

– Черт, – выругалась я и на всякий случай широко улыбнулась.

Так, срочно меняем концепцию... Я здесь была (какой смысл отрицать очевидное), но труп не видела. Платон поспешил от меня отделаться, даже кофе не угостил, выпихнул из квартиры, подняв ни свет ни заря, и сообщил, что уже вызвал такси... Собственно, все так и было. И женщину в кресле я могла действительно не заметить. Шла бы себе и шла, под ноги смотрела...

Я выскочила из подъезда, такси стояло в паре метров. Плюхнувшись на заднее сиденье, назвала свой адрес и в окно уставилась. Если Юрка узнает о моем приключении... Я торопливо достала мобильный из сумки и набрала номер любимого.

– Привет, солнышко, – отозвался он, в голосе слышалась с трудом скрываемая мука.

Что-то подсказывало мне: ночь у Юрки выдалась не из легких. Очень может быть, что рядом лежит деваха и нервно хихикает или рожи строит, заслышав «солнышко». Ничего похожего на ревность в душе не шевельнулось. Во-первых, глупо упрекать человека, если сама не без греха, во-вторых и в-главных: мне это попросту безразлично. Данная мысль совсем не порадовала. Я-то считала, Юрка мне все-таки нравится. Хоть немного. Я ж на него столько времени угрохала. И вдруг выясняется, меня волнует лишь одно: женится он на мне или нет. Если совсем все упростить – меня волнуют только его деньги. Мама дорогая. Может, мне еще кого поискать? Ерунда. Большая любовь хороша для кино и книжек, а в жизни главное – устроиться с удобствами...

Размышляя об этом, я не забыла справиться у Юрки, как его дела, дважды упомянула о своей любви и о том, что успела соскучиться. Он, конечно, тоже скучал. В голосе виноватые нотки. Точно, с бабой оттягивается. Главное, чтоб о моем вчерашнем загуле не узнал.

Мы тепло простились, а еще через пять минут такси тормозило возле моего подъезда. Оказавшись в квартире, я первым делом выпила кофе, затем

наполнила ванну теплой водой и, погрузившись в нее, попыталась составить план действий. Действовать надо на опережение. С полицией все более-менее ясно: честную девушку бес попутал, в результате древний Грек воспользовался моей беспомощностью, увлек в свою квартиру... надеюсь на понимание и конфиденциальность, зачем милашке вроде меня жизнь портить из-за досадной оплошности? Однако не худо бы знать, что трагическим событиям предшествовало? Кто нас с Греком видел, когда и откуда мы отчалили вместе, и кто был тому свидетелем? Лучше уяснить все как можно скорее и к возвращению Юрки придумать приемлемую версию. К счастью, остатки опьянения на нервной почве быстро улетучились, а две таблетки помогли справиться с головной болью.

Через час я покинула ванную, готовясь отстаивать свое женское счастье. Первым делом позвонила Светке.

– Ты что-нибудь помнишь? – спросила с печалью, выслушав ее пространный рассказ о скверном самочувствии.

– Про тебя или про себя?

– Про меня.

– Я думала, ты мне расскажешь. Такой красавчик...

– Значит, красавчик был? – перебила я, чем подвергла нетрезвый мозг Светки реальной перегрузке.

– А ты где проснулась?

– У себя.

– Одна?

– Ну...

– Чудеса, – помолчав немного, вынесла вердикт подруга. – Я была уверена, вы вместе смылись.

– Вместе с кем? – уточнила я.

– С Платошей, само собой. Вы так выразительно друг на друга смотрели и так отчаянно выпендривались. И исчезли вместе.

– А что было потом?

– Откуда ж мне знать? – удивилась Светка.

– Ах, да... может, мы и смылись вместе, но Платоша потерялся где-то по дороге. Кстати, а кто он такой?

– Учитывая, где мы его подцепили, какой-нибудь папенькин сынок... золотая молодежь...

– Короче, ничего о нем ты не знаешь? – перебила я.

– Узнать-то не проблема, такие типы всегда на виду. Только зачем, ты же замуж выходишь? Или наметились перемены?

– Я что, похожа на сумасшедшую? – в гневе перебила я. – Угробить значительный отрезок своей жизни...

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – обиделась Светка. – Чего не спросишь, как я провела ночь?

– Потом расскажешь.

– Ага. Уснуть я теперь вряд ли смогу, – вздохнула она. – Давай встретимся. Надо перекусить... не самой же готовить... да и пусто у меня в холодильнике. Выпить бы тоже надо, иначе башка лопнет. Как считаешь?

Я было собралась отказаться, но перспектива сидеть в квартире и ждать, когда появится полиция, мне не улыбалась. Лучше в самом деле поболтаться по торговому центру, перекусить и даже выпить, пока события не начнут развиваться.

– Давай через час на нашем месте, – сказала я.

Светка поправила:

– Через полтора. – И отключилась.

«Нашим местом» мы называли пиццерию на улице Чкалова, до нее было примерно одинаковое расстояние как от моего, так и от Светкиного дома. Другими несомненными достоинствами данного заведения были: очень вкусная пицца, вполне демократичные цены и открытая веранда, что в летнее время отнюдь не лишнее. Решив поднять себе настроение, я надела нежно-голубой сарафан и золотистые босоножки. Взглянула на себя в большое зеркало в прихожей, губы начали раздвигаться в улыбке, но вдруг замерли, а я почему-то нахмурилась. Особых причин хмурить брови вроде не было. Конечно, я могла бы выглядеть посвежее, но после сегодняшней ночи придираться не следовало. Девять из десяти мужчин скажут, что я красавица, а тот единственный, кто не скажет, в женской красоте ничего не смыслит.

Фигура отличная – и это без вариантов. Высокой меня не назовешь, но, слава богу, каблуки изобрели задолго до моего рождения. Волосы роскошные, чуть ниже плеч, золотисто-каштановые, их даже красить не приходится, они и так выглядят великолепно. Носик немного курносый, тут я не спорю, он мне с детства портит нервы, в общем, на любителя. Зато глаза, брови, губы... Короче, я красавица, и, глядя на себя в зеркало, неустанно это повторяла, и увиденное неизменно доставляло удовольствие, потому что так и есть: красавица. Но только не сегодня. Сквозь привычные черты проступало нечто незнакомое и малоприятное.

– Завязывать надо с выпивкой, – сердито заметила я, показала себе язык и нервно хихикнула. «Что-то не так», – подумала с печалью, зная не зная, что имею в виду. Подхватила сумку и вскоре уже выходила на улицу.

День выдался солнечный, но не жаркий. И это явилось слабым утешением. Не знаю, как бы я перенесла жару в таком состоянии. До пиццерии решила идти пешком, времени еще вагон, а ходьба успокаивает.

– Что-то в моей жизни не так... – вздохнула я. Еще бы. Раньше видеть трупы мне не доводилось. Не Платон же эту женщину убил. А почему бы и нет? Что я о нем знаю? Убил, а меня затащил в постель, чтобы я его перед полицией выгораживала. Злодей и дурак к тому же... стану я его выгораживать, как же... А если убил не он (очень не хочется, чтобы он), откуда труп в его квартире? Трупы просто так не появляются. Приличные люди без них обходятся. А у этого какая-то тетка в кресле сидит с ножом в груди. Жуть... Ладно бы еще девица... то есть я хотела сказать, девица – это понятно, любовница или случайная подружка... приревновал кто-то и все такое... по крайней мере, объяснение можно найти, а тут тетка лет сорока, которая Греку совсем не подходит... Охмурил несчастную, бросил, она его шантажировала, и он ее убил... А что? Нормальная версия... Охмурил – это вряд ли. Одета бедненько. С какой стати типу вроде Платона ее охмурять? А вот шантаж – это перспективно. Где же я все-таки ее видела? Ведь точно видела, но, должно быть, мельком, иначе бы уже вспомнила. Мне надо о Юрке думать, о том, чтобы он о моем дурацком приключении не узнал, а трупом и этим Платоном пусть следователи занимаются. Конечно, займутся. И мной тоже. Рассчитывать на благородство этого красавца не приходится. Кто это тут о благородстве говорит? Все-таки до встречи со следователем желательно ситуацию прояснить. Быть, так сказать, во всеоружии.

В пиццерии народу оказалось не так много, что порадовало. Место на веранде нашлось, столик в тени, и вид оттуда открывался прекрасный. Впрочем, мне сейчас было не до вида. Выходной, погода хорошая, народ за город подался... Может, нам со Светкой к ней на дачу махнуть? Или к маме... Нет, к маме не стоит. Маму я любила, как и положено благодарной дочке, но видеться с ней старалась пореже. Характер у мамы... Тут я вспомнила, что о радостном событии ей так и не сообщила. Потянулась к мобильному, но внезапно передумала. Неизвестно, как все повернется, лучше не спешить.

Как раз в этот момент и стала понятна причина, по которой меня неудержимо тянуло из дома, а теперь и из города. Очень не хочется встречаться с полицией. И не потому, что боюсь завратиться. Когда надо, вру я очень убедительно. Все дело в этом красавчике с дурацким именем. Не хочу я его топить, хотя, скорее всего, он этого и заслуживает. Нечего трупы в квартире разводить. Я отчетливо вспомнила взгляд, которым меня наградил мой горе-любовник, сообразив, что помощи от меня не дождется. Покраснела, но упрямо напонила: «каждый за себя».

– Какого черта я к нему поперлась, – пробормотала в досаде. – Это была последняя попойка в моей жизни, и Юрке я изменять не стану. Буду хорошей женой... назло всем... кому, интересно? – нервно хихикнула я.

На счастье, подошла официантка и отвлекла меня от скверных мыслей. Светкины вкусы мне хорошо известны, я сделала заказ, тут и подружка появилась. Скромное платье, стоившее кучу денег, выглядело очень мило. Светкину шею украшал аляповатый шелковый платок. Нелепица какая-то... Через минуту стало ясно: платок скрывал следы бурной ночи, они были не только на шее, но и на груди.

Светка, поцеловав меня, плюхнулась напротив, приподняла платок и криво усмехнулась:

– Ну что за паразиты эти мужики...

– Ты кого конкретно имеешь в виду? – вздохнула я.

– Стыдно сказать, с кем проснулась в одной постели, – она закатила глаза, выдержала паузу и со вздохом продолжила: – Бармен из «Золотого павлина».

– Костя?

– Хуже. Олег.

– Блин, – только и могла сказать я на это.

Когда Светка напивалась (а такое случалось примерно раз в месяц), ее неодолимо тянуло к мужикам, абсолютно ей не подходящим. В этом смысле «Павлин» являлся просто кладезем. Публика там собиралась сомнительная, девушки, желающие удачно выйти замуж, в знакомствах должны быть разборчивы, а уж бармен – это вовсе никуда не годится, но Светка обожала наступать на одни и те же грабли. Ее рассказ я выслушала без интереса, все было вполне предсказуемо. Я, по ее словам, смылась с древним Греком, она почувствовала себя одинокой и отправилась в заветный бар. Итог: утро стрелецкой казни, то есть головная боль, тошнота и Олег в ее постели. Тошноту, понятное дело, это обстоятельство усугубило, так как Светка не далее чем

недели две назад клялась, что в его сторону больше не взглянет.

По крохам мы начали восстанавливать события, предшествующие данному прискорбному обстоятельству. Мои воспоминания оказались верными, Платона мы подцепили в ночном клубе, он нагло ко мне клеился, хоть я и сказала, что почти что замужем. Это его лишь раззадорило, по словам Светки. Понятное дело, мужиков хлебом не корми, дай только сбить нас с пути праведного. Мы с ним устроили соревнование: кто больше выпьет текилы, причем инициатором была я. Победила дружба. Я отправилась в туалет, откуда не вернулась. Платон исчез следом.

– Знакомых много в клубе было? – с печалью спросила я.

– Из тех, кто мог бы Юрке донести, – никого, – быстро уловив суть проблемы, ответила Светка.

Я перевела дух, но облегчения почему-то не почувствовала.

– Хоть бы знать, кто такой этот Платон, – пробормотала я.

– Давай Димке позвоню, – предложила Светка. – Он его точно знает. Вся «золотая молодежь» у Димыча в друзьях.

– Только его мне и не хватало, – буркнула я.

Димка Шевчук хоть и считался близким другом, с некоторых пор вызывал стойкую неприязнь.

Лет пять назад мы отправились втроем к нему на дачу, третьей была моя тогдашняя закадычная подружка Танька Сипагина. Кроме выпивки, было у нас с собой кое-что позабористей, точнее, было у Димки. Мы с Танькой принялись изображать крутых девиц, прошедших огонь и воду... Все закончилось сексом на троих. Скромница Танька с трудом могла поверить, что все это было не в дурном сне, а я твердо сказала «нет» наркотикам, за что Димке отдельное спасибо. Он, кстати, тоже был в недоумении, как нас занесло в одну постель... в общем, постыдный эпизод, который мы поклялись забыть. Но примерно через месяц Димка мне о нем напомнил. Вскользь, между делом, тут же переводя разговор

на что-то другое, но во взгляде на мгновение мелькнуло нечто похожее на блаженство. Вот тогда я и начала присматриваться к другу. Его шуточки теперь не казались такими уж безобидными, а страсть к сплетням – извинительной слабостью. И очень скоро стало ясно: Димка – ходячая энциклопедия пороков, он знает слишком много о своих бесчисленных знакомых, и чем постыднее эти сведения, тем для него приятнее. Разумеется, он этим пользовался. Вряд ли занимался откровенным шантажом, для этого он был чересчур умен, но часто обращался с просьбами, и ему никогда не отказывали. Хотя... может, водились за ним грехи и похуже. Работал он начальником юридического отдела в солидной фирме. Специалистом слыл хорошим, но неизменно повторял, что «несет крест», и откровенно завидовал «папиным сынкам», которые могли от работы отвертеться. Зарплата у него, должно быть, приличная, однако не настолько, чтобы жить на широкую ногу, а жил он именно так. «Порш», двушка в самом центре и загородный дом, и это в тридцать лет. Познакомилась я с ним на первом курсе института, он был старшим братом моей сокурсницы, и в те времена у него едва хватало денег, чтобы угостить нас мороженым.

Настал день, когда я решила обсудить все это с Танькой. Меня интересовало, ей он тоже напомнил о нашей «шалости»? К тому моменту подружка весьма удачно вышла замуж, и если Димка действительно не брезговал шантажом, то Танька являлась для него лакомым кусочком.

– Наш с тобой друг – редкий подлец, – с усмешкой ответила Танька. – И мы не лучше, если терпим его до сих пор...

– Так он... – нахмурилась я.

– Напомнил, конечно, – она вновь усмехнулась. – Тоже вскользь, как бы между прочим, а я сказала: все, что было до мужа, – не считается. Не думаю, что он собирался меня шантажировать. Чем? Ну да, было... давно и неправда. Тут все хуже, Ира. Он от этого балдеет. Он мерзавец, и ему очень надо убедить себя, что остальные еще хуже. Вот и выискивает всякую дрянь. На добрые чувства он просто не способен. Злитесь, что ему в этой жизни мало что даром досталось, и ненавидит тех, кому, с его точки зрения, больше повезло. Будь у нас глаза не на затылке, давно бы сообразили, с кем имеем дело. Но... люди видят то, что хотят видеть, не желая тратить время на тех, кто рядом. Просто из-за лени... или еще по какой-то причине, а потом удивляются, что их предали. На самом деле мы даже не потрудились понять, кого называли другом.

Тот разговор произвел на меня впечатление. Я даже вознамерилась всерьез поговорить с Димкой. Прекратить знакомство, не отказав себе в удовольствии поставить его в известность, почему я это делаю. Но потом боевой задор угас, а вскоре подобные идеи и вовсе показались глупостью. Ни к чему усложнять себе жизнь. Куда проще продолжать делать вид, что мы друзья, но быть при этом настороже. Танька, кстати, встречалась с Димкой редко, сведя дружбу практически на нет, хотя тоже предпочла, судя по всему, обойтись без объяснений. Димку это злило, а так как с Татьяной и я последние год-полтора виделась нечасто, он мог вдоволь ворчать, что «Танька зазналась и старых друзей в упор не видит».

Не успела я погрузиться в воспоминания о Димке, как он поспешил появиться. Точнее будет сказать, появился его «Порш», притормозил на светофоре, и глазастая Светка, разглядев его в потоке машин, усмехнулась:

– Помяни черта, и он уже тут.

Димка нас тоже заметил, потому что буквально через мгновение у меня зазвонил мобильный.

– Лапуля, ты ли это? – захихикал Димка мне в ухо. – А где твой суженый? Неужто ты в выходной совсем одна?

– А Светку ты не замечаешь?

– Спешу к вам присоединиться, надеюсь, вы не возражаете.

Я отложила телефон, наблюдая за тем, как «Порш» сорвался с места и почти сразу исчез, но очень скоро вновь возник в поле зрения. С трудом найдя место для парковки, Димка помахал нам рукой, я скривилась, а Светка спросила:

– Чего ты?

– Последнее время видимся слишком часто. Надоел.

– Зато с Димычем всегда весело, – сказала она.

Шевчук подошел, расцеловался с нами, говорил нарочито громко, размахивая руками. Мы в ответ хихикали, старательно улыбались, изображали большое счастье.

Внешность у моего приятеля самая непримечательная. Ростом выше среднего и средней комплекции. Лицо узкое, бледное, загар к нему точно и не пристает вовсе. Серые глаза, волосы тоже какие-то серые. Бледные губы. Димка обнаружил у себя прадеда-немца и на этом основании в шутку называл себя «истинным арийцем». По мне так чухонь белобрысая. Он был в светлых брюках и ярко-красной рубашке, от чего физиономия казалась еще бледней и бесцветней.

Граждане за соседними столиками на нас косились, Димка приосанился. Его хлебом не корми, дай побыть в центре внимания. Мне пришлось рассказать в деталях, как я приняла предложение руки и сердца, хотя рассказывать, по сути, было нечего.

«На что я трачу свою жизнь?» – вдруг явилась непрошенная мысль, и я всерьез забеспокоилась. Что-то со мной не так. Попасть в историю, наткнувшись утром на труп, конечно, неприятно, однако это не повод впадать в самокритику. Нормальная у меня жизнь, не хуже, чем у других. Во многом даже лучше. Замуж выхожу...

– Романтично, – слушая меня и причмокивая губами, шептал Димыч, а во мне набирал силу дух противоречия. Так и хотелось спросить, чего такого романтичного он нашел в моем рассказе? Обычные товарно-денежные отношения. Юрка мне жизнь с комфортом, я ему – свою большую любовь.

– Мне еще надо выбрать платье, – заметила я.

– Да-да, это важно, – покивал головой Димка, – ты будешь самой красивой невестой... Юрке можно позавидовать.

А я злорадно подумала, что наши встречи с Димкой станут все более редкими... замужние женщины собой не располагают...

– Надо отметить это событие.

– Вчера наотмечались, – буркнула Светка, но Димка уже подозвал официантку и заказал бутылку лучшего шампанского, не слушая наши возражения. – А где счастливый жених? – спросил Шевчук, поднимая бокал.

– В Питере, – напомнила я, – у него конференция.

– Ах, ну да...

Мы выпили, Светка, выразительно взглянув на меня, заговорила:

– Вчера судьба свела меня с типом, обладателем редкого имени. Платон... фамилию не помню.

– Протасов, – криво усмехнулся Димыч и кивнул: – Я знаю лишь одного человека с именем Платон, который мог бы заинтересовать таких девушек...

– Не томи, – фыркнула Светка, приглядываясь к дорогому другу.

– Вырви его из своего сердца, пока не поздно, – засмеялся он и погрозил Светке пальцем.

– Женат?

– Хуже.

– За душой ни копейки?

– С этим все в порядке. Богат, успешен, красив, в чем ты сама могла убедиться. Ищет богатую невесту со связями. Затеял пару проектов, и связи необходимы, а в них, похоже, нехватка. Так что, моя дорогая, не трать на него время.

– «Не будет мне счастья», подумала я, лишь только бросила взгляд на его красивую рожу, – хмыкнула Светка.

Димыч вдруг перестал скалить зубы и заговорил серьезно:

– А я-то был уверен, вы давно знакомы, – повернулся ко мне и добавил: – Платон Сергеевич – большая любовь твоей подруги Ольги, теперь, понятное дело, бывшая любовь.

– Ольги? – переспросила я. – Ты имеешь в виду Ольгу Сипагину?

– Само собой.

– Тебе хорошо известно, что дружу я с Танькой, а с Ольгой виделась от случая к случаю и о ее личной жизни ничего не знала.

– А я с ней вообще не знакома, – подхватила Светка и добавила: – Жуткая история, я имею в виду то, что с ней произошло.

– Да поняли мы, поняли, – вновь усмехнулся Димка. – О покойниках плохо не говорят... но Ольга вцепилась в Протасова, точно клещ, хотя ясно было, ей там ничего не светит.

– Они были любовниками? – быстро спросила я.

– Были. Довольно длительное время. Наверное, Ольга все-таки рассчитывала... потом пошли слухи, что его видели с дочкой Фельдмана. И не раз. Дочка далеко не красавица, и это мягко сказано, но вот ее папаша очень подходил на роль тестя. Ольга закатила Протасову скандал, выпив лишнего. По чистой случайности я был рядом и шоу наблюдал с близкого расстояния. Он пытался ее утихомирить, но она... прямо-таки выходила из берегов... Кончилось тем, что он отвесил ей оплеуху. Ольга тут же успокоилась, точно именно этого и ждала. Еще какое-то время они были вместе, ну, а потом Ольгу похитили...

– Постой, – насторожилась я. – Разве выкуп за Ольгу требовали у Протасова?

– Нет, – покачал головой Димка. – У ее сестры. С Протасовым они к тому моменту уже расстались. Преступники не учли одного: у Таньки, как известно, своих денег нет, а ее муженек сразу же обратился в полицию, рассудив, что деньгами рисковать не стоит... Похитители об этом каким-то образом пронюхали, и в результате через пару дней был обнаружен труп Ольги.

Само собой, историю эту я прекрасно знала. Три месяца назад Танька позвонила мне среди ночи... Я не хотела брать трубку, потому что в последние полгода такие звонки были не редкостью. Танькина семейная жизнь летела к чертям, хотя подруга вышла замуж по большой любви. Стопроцентная история про Золушку, где бедная девушка встречает своего принца... Он был на пятнадцать лет старше, но выглядел очень даже неплохо. Спортивный, уверенный в себе мужчина. Если честно, я на него тоже виды имела, но выбрал он скромницу-Таньку, серую мышку и едва ли не дурнушку. Я одалживала ей свои платья и косметику и твердила, что она очень даже хороша собой, просто ей не хватает уверенности. Убедила на свою голову...

Таньку с Ольгой – сестер-близняшек – воспитывала бабушка, добрейшая тетя Маша. Она пекла вкуснейшие пироги и одаривала ими всю детвору. О зяте я никогда ничего от нее не слышала, а дочь ее умерла совсем молодой, оставив ей пятилетних девочек. Хотя они и были близнецами, но характерами разительно отличались и даже внешне мне не казались особенно похожими, лично я их никогда не путала. До семнадцати лет мы жили в одном дворе. С Танькой мы дружили, с Ольгой люто друг друга ненавидели. В отличие от сестры, она была драчлива, остра на язык и только и ждала случая устроить какую-нибудь пакость. Таньке от нее тоже доставалось. Дрались мы с Ольгой не реже двух раз в неделю, это в детстве, конечно. Став постарше, предпочитали друг друга не замечать.

Когда мне исполнилось семнадцать, мы переехали, но с Танькой я продолжала видеться, а после окончания школы мы поступили в один вуз и оказались в одной группе. К моей большой радости, Ольга за сестрой не последовала, предпочла экономике рекламный бизнес. Танька уверяла, что отношения их стали вполне сестринскими, но детская злость на Ольгу еще жила в душе, и за все время учебы мы встречались раз в год в общий для них день рождения. И я смогла убедиться, что Ольга постаралась, чтобы как можно меньше походить на сестренку: стала блондинкой, носила яркие наряды и злоупотребляла макияжем, хотя, если честно, выглядела неплохо. Я пару раз намекнула Таньке, что не худо бы кое в чем брать с сестры пример, но не была услышана.

Добрейшая тетя Маша умерла в тот год, когда мы закончили учебу в институте. Ольга перенесла утрату внешне спокойно. Хотя кто знает, что у нее было на душе. Танька долго не могла прийти в себя. Я считала своим долгом поддержать ее в трудное время. На ту пору впереди маячили выборы, у нас с подругой всегда было желание подработать, вот мы и оказались в штабе одной из партий.

Там и произошла знаменательная встреча.

Новиков Сергей Юрьевич оказался нашим кандидатом. Биография будущего депутата была мне хорошо известна, листовки я сама заказывала в типографии. И то, что дядя не женат, незамеченным не осталось. Только через неделю удалось увидеть его воочию, и он мгновенно стал предметом моих девичьих грез. Не могу сказать, что сердце трепетало, но здравый смысл подсказывал: вот он, вожаемый случай. Один из богатейших людей области, а в скором времени и депутат, холост, ни бывших жен, ни детей... Я тут же решила, что это судьба. Однако даже Таньке ничего не сказала, о своих планах предпочитая помалкивать. Через две недели он обратил на меня внимание, через три предложил вместе пообедать (столовка была по соседству, в том же здании), пригласил меня и Таньку, но я не сомневалась: подружка идет в довесок. И тут она огорошила, заявив, что влюбилась в Новикова до безумия, рыдала на моем плече в уверенности, что не видеть ей счастья, как своих ушей без зеркала. Я в этом была с ней полностью согласна, но в свете ее признания делать свое сочла излишним и вместо этого принялась ее утешать: мол, не надо отчаиваться, она красавица и человек прекрасный, и Новиков это, безусловно, видит. Уверенная, что Таньке ничего не светит, я щедро делилась с ней тряпками, слушала ее нытье и одаривала советами. Несмотря на занятость, Новиков вдруг пригласил нас в театр, потом на концерт. Был чрезвычайно любезен с нами обеими, но я, конечно, умудрялась разглядеть особое к себе отношение. Как-то я допоздна задержалась в штабе, Таньку услали по делам, и вдруг явился Новиков. Сел за стол напротив, предложил выпить кофе в кафе неподалеку, добавив неуверенно: «Я хотел с вами поговорить». «Вот оно, – мысленно ахнула я, – выигрышный билет в счастливую жизнь...»

Точно на крыльях я устремилась вслед за Сергеем Юрьевичем, он трогательно поддерживал меня под руку. Кофе мы выпили, он вздыхал и мялся, а я улыбалась: «Валяй парень, – мысленно торопила я. – Я немного поломаюсь, но скажу «да».

– Вы ведь лучшая подруга Тани? – вдруг спросил он. А я удивилась: «Танька-то тут при чем?» – Мне нужен ваш совет, – продолжил он. – То есть, я хотел спросить... она с кем-то встречается?

Но и тогда я еще продолжала верить, что это какая-то чепуха и бессмыслица, а когда до меня наконец дошло, что Новиков имеет в виду, я едва не свалилась со стула. К Таньке я действительно хорошо относилась, правда, с легким

пренебрежением. Обычное дело, если речь идет о красавице и подружке-дурнушке. Хотя никакой дурнушкой Танька вовсе не была. Но себя-то я считала сокровищем, и нате вам, эта серая мышь уводит у меня мужика из-под носа. Все силы ушли на то, чтобы он не обнаружил моих истинных чувств. Я изображала заботливую подругу, желая Новикову провалиться, а Таньке...

Тут мне стало стыдно, все-таки с Танькой мы дружили с детства. В общем, я как могла способствовала их браку, но чужое счастье стояло комом в горле. С работы она, по настоянию мужа, уволилась, и наша жизнь завертелась на разных орбитах. Депутатом Новиков не стал, что явилось для меня слабым утешением. Всех баб с тех пор я воспринимала потенциальными соперницами, делая исключение разве что для Светки: она мечтала о настоящей любви, а я об удачном замужестве. Чтобы не сыпать соль на раны, я старалась видаться с Танькой реже. Это было легче легкого, но несколько раз мне довелось побывать в ее доме, чтобы воочию увидеть, чего лишилась: трехэтажный особняк с бассейном, хамамом и крытым теннисным кортом. Ну на хрена все это Таньке? Она по привычке сама посуду мыла и платишки выбирала все такие же серенькие. И по-прежнему считала меня лучшей подругой (тут я мысленно усмехалась), может, потому, что других у нее попросту не было. А вот с сестрой они стали гораздо ближе. Я Ольгу после Танькиной свадьбы видела лишь раз, но охотно верила, что у той любовь к сестре вспыхнула со страшной силой, и она только что не жила в их доме. Амбиций у Ольги было не меньше, чем у меня, и к богачам поближе она держалась не просто так...

Благодаря Новикову Ольга получила клевую работенку и завела шашни с древним Греком, как сейчас выяснилось. Но он сам не дурак раззявить рот на чужое богатство, и Ольга с ним промахнулась... Хотя с ее напористостью и железным характером могла бы дожать.

Танькино счастье длилось примерно два года, потом начались мытарства. Она не могла забеременеть. Никаких особых проблем не было, просто не получалось. Врач посоветовал ей поменьше переживать по этому поводу, но она переживала. А еще примерно через год узнала, что у муженька есть любовница, не просто любовница, а, по сути, вторая семья: баба на сносях, которой он купил квартиру. Танька рассказывала об этом, заливаясь слезами, я гладила ее по спине и злорадно думала: так тебе и надо. Потом, конечно, стало стыдно, после чего пришла радость: ведь это Таньке рыдать приходится, притом что я запросто могла быть на ее месте, если б Новиков влюбился в меня, а не в подружку. Вслед за этим явилась и легкая грусть: везение вовсе не залог счастья. Сегодня везет,

а завтра – фи́га с маслом. Богатые мужики всегда в цене, у их порога длинная очередь красавиц. Выйдешь за такого, и до конца дней не знать тебе покоя. Подобные мысли я поспешно гнала прочь, они вносили хаос в мою безупречную картину мироздания. Короче, в тот первый раз я как могла утешала Таньку и советовала ей мужа простить. А еще лучше не рассказывать о том, что она в курсе его неблаговидного поведения. Семью надо сохранить. Я пела о семейных ценностях и жертвенности, думая при этом: наплюй ты на эту дуру с пузом, у нее квартира, а у тебя дом с бассейном. И пусть этот гад попробует развестись: с хорошим адвокатом можно оттяпать себе увесистый кусок пирога и жить в свое удовольствие. Танька обещала молчать, но страдала. Звонки по ночам стали нормой. Я продолжала изображать лучшую подругу, хотя в ее мытарствах не видела толку. У меня куда больше поводов орошать подушку слезами. Время идет, и всех королевичей уже разобрали.

Еще год Танька худо-бедно продержалась, потом решила поговорить с мужем, хотя я ее от этой глупости отговаривала. Новиков с ее обвинениями согласился, но виноватым себя отнюдь не чувствовал, доходчиво объяснив женушке, что в их кругу все так живут. Танька похлопала глазами, а затем заявила, что она так жить не будет. Сергей Юрьевич ей вряд ли поверил. Четыре года в доме с бассейном и с золотой кредиткой в сумке чего-то да значили. Но Танька была непреклонна и на следующий день подала на развод.

– И на раздел имущества, – подсказала я.

С моей точки зрения, Новиков заслуживал, чтоб его обобрали до нитки, уже за то, что четыре года назад сделал неправильный выбор.

– Мне его деньги не нужны, – заявила подруга.

«Юродивая, – подумала я. – Черт с ним с мужем, но деньги – это серьезно».

Но с Танькой мы консенсуса никогда не достигнем: ей был важен муж, и плевать на деньги. Я же к деньгам относилась с куда большей теплотой и любовью, чем к самым лучшим представителям сильного пола.

Обалдев от счастья, что развод ему ничего не будет стоить, Новиков съехал (должно быть, к подружке, которая благополучно разрешилась от бремени) и предложил Таньке жить в доме сколь угодно долго. Она намеревалась

перебраться к сестре (та по-прежнему жила в бабушкиной квартире) и продолжала страдать. Весь этот бред мне приходилось выслушивать практически ежедневно.

Оттого я и не спешила отвечать на тот поздний звонок. Но трубку в конце концов сняла. Танькин голос поначалу даже не узнала.

– Ира, что делать? – истерично вопила она.

«Начинается», – с мукой душевной подумала я.

Но тут она добавила:

– Олю похитили, требуют выкуп.

Еще одно мелкое неудобство в безбрежном океане счастья богачей. Их похищают те, кому до зарезу нужны деньги. Однако не всегда и не всех.

Но стоило Таньке произнести эти слова, как сердце екнуло. Вроде предчувствия. Или предупреждения, точно кто-то сурово задал вопрос: тебе это надо? Само собой, нет.

– Олю? – бестолково переспросила я, продолжая думать о непростой доле обладателей состояний. – С какой стати?

– Она моя сестра. И те, кто ее похитил, считают, что у меня есть сто тысяч евро, чтобы заплатить выкуп.

– А они у тебя есть?

– Конечно, нет. Откуда? Но как их разубедить? Они сказали, если я не заплачу, Олю убьют.

В тот момент угрозы в Ольгин адрес меня не впечатлили, я даже подумала, что и сама бы давно убила ее с большим удовольствием.

– Может, это дурацкая шутка? – вздохнула я.

– С ума сошла? Кому придет в голову так шутить?

– Тогда надо звонить в полицию. Похищение по их части, я-то тебе, чем помогу?

Но в полицию она звонить не стала, решив для начала поговорить с мужем. Перед лицом великого несчастья о распрях следовало забыть. Признаться, я до последнего считала похищение чьей-то глупой шуткой и даже не потрудились перезвонить Таньке, тем более что мой роман с Юркой набирал обороты, и мне было не до подруг. И то, что Ольгу обнаружили мертвой, стало громом среди ясного неба. Ее похитили и, не получив выкуп, убили. Я кинулась к Таньке, но дальше порога меня не пустили. Подруга винила меня, мужа и весь свет в гибели сестры, такого она, правда, не говорила, ограничившись заявлением, что никого не хочет видеть. На похоронах держалась отчужденно, ни разу не взглянув ни на меня, ни на Новикова, который вился вокруг ужом, пытаюсь загладить вину, которой, скорее всего, не было. Или все-таки была?

– Теперь Танька в отместку выкручивает муженьку руки, – со смешком продолжил Димка. – Знаешь, кто у нее адвокат? Горшенин. Тот еще фрукт. В прошлом году отсудил для одной дамочки ровно половину всего нажитого ее муженьком, и это при том, что саму благоверную уличили в измене. Горшенин умудрился все вывернуть наизнанку, мол, супруг скверно относился к бедняжке и тем самым толкнул ее в объятия другого, и виновен вдвойне... Что он сделает с Новиковым, у которого вторая семья под боком...

– Она не хотела его денег, – нахмурилась я.

– Танька убеждена, что сестра погибла оттого, что бывший денег пожалел, вот и поскакал в полицию, и задумала лишить его самого дорогого – бабок.

– Это на нее не похоже, хотя... – я пожала плечами, – если она и вправду решила, что он деньги зажал...

– Она малость свихнулась после этой истории, – кивнул Димыч.

– Вы виделись? – спросила я.

– Пару раз, мельком.

– Откуда тогда сведения?

– От Горшенина, само собой. Он большой друг моего шефа, время от времени вместе обедаем. Танька настроена очень решительно. Тебе она о своих планах не рассказывала?

– Да мы три месяца не виделись.

– Тебя-то она в чем винит? – удивился Димка. – Подруг у нее больше нет... сейчас она практически совсем одна...

– И прекрасно без меня обходится. А я, как выяснилось, вполне могу обойтись без нее, – добавила я с внезапной обидой, наверное, мы и в самом деле не особенно нуждались друг в друге. И все же почему я после похорон не попыталась с ней встретиться, поговорить? Объяснить... – Значит, выкуп у Протасова не требовали, – сменила я тему.

– Сестра надежней, – хохотнул Димка. – Похитители, должно быть, подозревали, что его любовь не так уж и сильна.

– Или знали об этом наверняка, – сказала я. Просто так сказала, ничего особого в виду не имея, но Димыч тут же прицепился:

– Считаешь, это кто-то из наших?

– Чего?

Мы со Светкой переглянулись и на него уставились.

– Почему бы и нет? – пожал он плечами.

– Спятил, – нахмурилась я. – Срубить бабки и я не против, но убить... к тому же хорошую знакомую... это дело рук каких-нибудь уголовников.

– Надеюсь, – проворчала Светка. – А то ходи и думай: кто из тех, с кем пьешь, убийца?

– Да уж, неприятно, – Димыч засмеялся и головой покачал.

– Деньги не приносят счастья, – глубокомысленно изрекла Светка, попивая кофе. – Я вам больше скажу: людей они портят.

– Откуда тебе знать, у тебя денег сроду не было, – съязвила я.

– Они есть у той же Таньки. И что?

– Вот именно, что? Чем они ее испортили? Ну, да, она винит мужа в том, что с Ольгой случилось, в том смысле, что если б не его деньги...

– Это ты считаешь ее бессребреницей, – перебила Светка. – Мужа любила, то-се... А твоя Танька та еще штучка, я ее в магазине встретила неделю назад. Продавщица ей что-то не то сказала, она такой хай подняла и платье ей в лицо швырнула. Я б на месте девицы ей этим платьем да по морде... Короче, вела она себя как обычная богатая стерва...

– Танька? – нахмурилась я, может, крыша у нее и вправду съехала, представить подругу скандалящей в магазине... – Она сто раз спасибо скажет, а ты: платье в лицо... Может, обозналась?

– Еще чего. Она, кстати, меня заметила и сразу овцой прикинулась, сумку в руки и бегом из отдела. В глазах вселенская печаль, мол, скорблю за весь мир. Твоя Танька только прикидывалась скромницей: ах, какая я вся неземная... а теперь оттяпает у муженька бабла немерено и заживет в свое удовольствие.

– Глупости, не может человек полжизни притворяться. Ладно, ты не обозналась. Просто она сейчас вся на нервах, вот и сорвалась.

– Само собой, – хмыкнула Светка презрительно.

Димка сосредоточенно разглядывал чашку.

– А ты чего молчишь? – обратилась я к нему.

– Что? – вскинул он голову. – Извини, задумался. Разумеется, это нервы. И нас она избегает, потому что... потому что все разом навалилось: развод, гибель сестры, кто-то должен быть виноват...

– Надо ей позвонить, – вздохнула я, – узнать, как дела... Значит, Протасов был любовником Ольги? – вернулась я к интересующей меня теме и вот тогда наконец вспомнила, где раньше видела убитую женщину. Ну, конечно, это ведь Ольгина домработница! Пару раз мы с Танькой заезжали к ее сестре, и женщина открывала нам дверь. Я еще терялась в догадках, на кой черт Ольге домработница? Не велика барыня, полы помыть и сама бы смогла, заодно и деньги сэкономила. Танька отмалчивалась на этот счет, а моя неприязнь к ее сестрице лишь возросла, у меня-то домработницы не было. «Теперь будет», – утешила я себя и почувствовала настоящую потребность побыть в одиночестве, потому что кое-что надлежало обдумать.

– Мне пора, – брякнула я, Светка посмотрела и нахмурилась, гадая, что это на меня нашло.

А вот Димка меня поддержал:

– Да-да, засиделись, – подозвал официантку, расплатился, поцеловал нас, думая о чем-то своем, и удалился.

Мы вслед за ним покинули пиццерию.

– Нет, ты видела? – возмущенно спросила Светка.

– Кого? – растерялась я.

– С ума с вами сойдешь. Ты где-то витаешь, и Димыча вдруг точно подменили. Сидел за столом человек как человек, и раз...

– Чего «раз»? – нахмурилась я.

– Ты что, в самом деле ничего не заметила? – возмутилась Светка.

– Нет.

– Он за-ду-мал-ся, – произнесла она по слогам.

– Не поверишь, но и со мной иногда случается.

– Кончай, а? Что-то в нашем разговоре было такое... что он поспешил уйти.

– А что такого было? – повторила я, заметно беспокоясь: уйти Димыч поспешил, это факт, и что-то в нашем разговоре действительно произвело на него впечатление. Учítывая, что он любитель ловить рыбку в мутной воде... – А вдруг он заподозрил, что мы не просто так о Платоне расспрашивали?

– Боишься, донесет Юрке о твоих шашнях? – скривилась Светка.

– Конечно, боюсь.

– Нет, тут другое, – произнесла она серьезно. – А не мог он Платона заподозрить в похищении?

– Это как? – опешила я. – Похищать свою подружку...

– Бывшую. А что? Хотел бабок срубить...

– Он вроде богат...

– Ну, тогда не знаю, но что-то в Димкиных мозгах щелкнуло. Куда теперь?

Я оглянулась, мы стояли в нескольких метрах от пиццерии, а я вспомнила, что намеревалась побыть одна, теперь это желание лишь увеличилось.

– Знаешь, я, пожалуй, пойду домой: голова болит... и Юрик звонить будет...

– Ты еще даже замуж не вышла, а уже становишься занудой, – снова скривилась Светка и добавила ворчливо: – Теряю подругу.

– Не злись, – я поцеловала ее и поспешила проститься.

Сделала несколько шагов в направлении своего дома, беспокоясь все больше. А если Светка права, и древний грек причастен к похищению? Не к похищению даже, к убийству? Тогда появление в его квартире трупа легко находит логическое объяснение: Ольга влюблена в Платона, а тот, не собираясь связывать с ней свою судьбу, ищет богатую невесту. Ольга его шантажирует... Чем? Не важно... А что, если она была беременна? Ни о чем подобном я не слышала, но вдруг... Он ее похищает, требует выкуп, но в действительности лишь для того, чтобы навеки от нее избавиться. Убийство, замаскированное под похищение... Хитро. Никому и в голову не придет заподозрить его в этом преступлении: и с Ольгой они якобы уже расстались, и в деньгах он не нуждается. Вот мерзавец... Но домработница что-то заподозрила... И пришла к нему? Нелогично. Я бы на ее месте к Таньке отправилась. А если он сам ее к себе заманил и убил? Довольно глупо убивать человека в своей квартире. Тогда другая версия: домработница его шантажировала (я ведь ничего о ней не знаю и предположить могу все что угодно). Тогда ясно, почему она не пошла к Таньке, а явилась к греку. Он испугался, что его тайна раскрыта, и убил женщину. А потом заманил меня в свою квартиру, желая получить алиби. Возможно, их встреча состоялась, когда я была в отключке, то есть он спланировал убийство заранее. И с этим типом я проснулась в одной постели! Ужас! Можно сказать, он убил человека в моем присутствии... Хитрый Димыч сообразил, что к чему, и теперь грека ожидает сюрприз... Стоп. Откуда Димке знать про труп в квартире? У него знакомых тьма, кто-то успел сообщить, ведь полицию Грек обязан был вызвать. А сведения об убийстве каким-то образом просочились.

Я поздравила себя с блестящими аналитическими способностями. Очень хотелось немедленно позвонить Димке и проверить свою догадку. Нет, не годится, как бы самой в ловушке не оказаться.

Я вернулась домой и устроилась на лоджии, пытаясь читать какой-то журнал, то и дело косясь на телефон. Позвонила Юрке. Он не ответил, но через минуту прислал СМС: «Не могу говорить. Целую». Я хмыкнула, отчетливо и во всех красках представляя картину: Юрик торопливо пишет СМС, а какая-то деваха пристроила головушку на его плече. Господи, скорей бы замуж выйти. А там хоть

трава не расти... пусть девки его со всех сторон облепят.

Я скоренько оделась и бросилась в свадебный салон еще раз взглянуть на платья. Примерила оба, собрав толпу из скучающих продавщиц, и отложила выбор на потом. Но на душе полегчало. Возвращаясь домой, бубнила: «В платье цвета шампанского я выгляжу элегантней, в белом – романтичней». Может, с мамой посоветоваться? Вот только мамы мне сейчас и не хватало.

Я вновь устремилась на лоджию, вновь попыталась читать и наконец поняла, откуда такая маета. Мне уже давно обязаны позвонить из полиции. У Грека нет моего номера телефона, и мою фамилию он не знает, но разыскать меня не проблема, достаточно позвонить в клуб. Там нас со Светкой знают, даже слишком хорошо. А если интереса ко мне не проявляют, значит... значит, Грек предпочел о нашем знакомстве промолчать. Внял моему совету. Решил, что один скорее выкрутится. Вместо облегчения я почувствовала еще большее беспокойство, хотя нависшая над моим замужеством угроза вроде бы миновала, но труп-то остался. Что мне за дело до трупа, главное, Юрка о моих грехах не узнает. Боже, до чего я безнравственна: ведь речь идет об убийстве, черт возьми. И если мои догадки верны, о двойном убийстве, причем напрямую меня касающемся, раз одна из жертв – сестра моей близкой подруги. Может, Таньке позвонить? И что я ей скажу? Меня занесло в квартиру бывшего Ольгиного хахаля, и я нашла там труп ее домработницы? Конечно, изобличить преступника мой долг, но и о своем благополучии забывать нельзя. Если честно, собственное благополучие для меня куда важнее. Танька отпадает. А почему бы не позвонить Греку и не узнать, как обстоят дела? И стоит ли ждать появления полиции в моей жизни? Чем больше я об этом думала, тем разумнее мне казалась идея. Осталось разузнать телефон Грека.

Я схватила мобильный, открыла список контактов, прикидывая, к кому проще всего обратиться. Выбор пал на администратора клуба Сашку Ефремова. Он ходячий телефонный справочник и ко мне неровно дышит. Сашка отозвался незамедлительно и первым делом спросил, как я себя чувствую после вчерашнего.

– Не очень хорошо, – честно ответила я. – Не подскажешь, кто меня домой отвозил?

– Вот уж не знаю, – засмеялся Сашка. – Ты вдруг исчезла...

– Ага. И где-то оставила сумку. Ключи от квартиры и мобильный оказались в кармане... а сумки нет. «Прада», полторы тысячи евро.

– Кошмар, – ужаснулся Сашка. – Неужто такие сумки бывают?

– Бывают и дороже, но эту жалко до слез. Ладно бы подарок, купила на свои кровные.

– К вам вчера Протасов прибился. Знаешь такого?

– Нет.

– Было похоже, что вы подружились. Позвони ему. Вдруг повезет, и твоя сумка у него.

– А номер у тебя есть?

– У меня все есть.

– Парень-то хоть нормальный? – не удержалась я.

– Красавец с бабками. Кстати, действительно нормальный мужик. Это в наших стенах большая редкость.

«Твой нормальный мужик держит трупы в квартире», – чуть не брякнула я. Дождалась, когда придет СМС от Сашки с номером телефона Грека, глубоко вздохнула и принялась звонить.

– Слушаю, – мужской голос показался невероятно приятным, и я на мгновение засомневалась, тому ли человеку звоню. Утром голос Протасова таковым вовсе не казался.

– Платон Сергеевич? – кашлянув, поинтересовалась я.

– Именно. А вы?

– Это Ирина, сегодня утром...

– А-а, – хохотнул он. – Мелкая хищница.

– Почему это мелкая? – разозлилась я, сообразила, что сморозила, и разозлилась еще больше. – Я просто хотела узнать, как твои дела?

– Да неужели? Остатки совести мешают жить спокойно?

– При чем здесь совесть? С тобой невозможно разговаривать... – тут я вздохнула и подхалимски поинтересовалась: – Ты сообщил обо мне в полицию?

– Ах вот что тебя волнует, – вновь хмыкнул он.

– Разумеется, волнует. Они уже давно должны были меня найти.

– И чтобы облегчить им жизнь, ты решила сама объявиться?

– Ты можешь просто ответить? Сообщил или нет?

– Или нет.

– Честно?

– Я исключительно честный парень.

– Хорошо, – сказала я. – Спасибо тебе...

– Не за что.

– А почему тебя выпустили? – додумалась спросить я.

Грек вполне отчетливо икнул.

– Откуда?

– Ну... разве тебя не должны были арестовать?

– За что?

– За убийство, естественно. У них просто обязаны возникнуть подозрения. Особенно учитывая, кто убитая...

– А кто она? – проявил интерес Протасов, чем окончательно вывел меня из терпения.

– Не придуривайся. Если я ее узнала, так ты тем более должен был узнать.

– Но не узнал.

– Я бы не советовала тебе врать... это лишь подтвердит их подозрения.

– Кого их? – невинно произнес он.

– Следователей, – тут и у меня подозрения возникли, и я спросила: – Ты сообщил в полицию?

– Нет.

– Спятил? – ахнула я. – Она что, до сих пор сидит в твоей квартире?

– Ты сбежала, заявив, что это дело не твое, так какого черта сейчас лезешь? – резонно уточнил он.

А я рывкнула:

– Куда ты дел труп?

– Подарил другу. Не беспокойся о нем.

– Значит, все так и есть, – заголосила я. – Убийство Ольги на твоей совести, а несчастная домработница... – я собиралась продолжить, но Грек меня перебил:

– В чем краткий смысл сей длинной речи?

«Какая-то цитата, – сообразила я. – Интеллектуал хренов, образованием хвалится, нашел время, идиот», – и решила напомнить, кому тут надлежит выеживаться, а кому лучше помолчать.

– Ты убил домработницу, потому что она тебя подозревала.

– В чем?

– В убийстве Ольги.

– А ее-то я с какой стати убил?

– Ты охотник за приданым, а у Ольги денег не было...

– За такое, конечно, убить не грех, но проще бросить...

– Циничная скотина... не удивлюсь, если она была беременная... а ты уже обхаживал дочку Фельдмана...

– Ты и об этом знаешь?

– Конечно, знаю.

– В таком случае, Ольгу следовало утопить.

– Почему? – растерялась я.

– Потому что в романе он ее утопил.

– В каком романе? – беспокоясь все больше и больше, уточнила я.

– В «Американской трагедии». Впрочем, уверен, книжки ты не читаешь. Может, кино смотрела?

– Слушай, ты, умник... – начала я понемногу приходить в себя от чужой наглости. – Я бы на твоём месте Уголовный кодекс читала. Говори, куда труп дел?

– Тебе же лучше, если об этой истории никто не узнает. Помни о замужестве.

– А я вот позвоню в полицию...

– И расскажешь, что очнулась в моей постели? Тогда Мендельсона тебе в ближайшее время вряд ли сыграют.

– А я позвоню инкогнито.

– Тогда я твоему Юрке инкогнито позвоню...

– Шантажист.

– А не фига сбегать с места преступления. Продолжай и дальше блистать своим отсутствием.

Грек отключился, а я в досаде закусила губу: «Что же делать-то? В полицию звонить? Если я себя не назову, вряд ли к моим словам отнесутся серьезно. А назову, Юрка непременно узнает... хотя необязательно. Но рисковать не хочется. Однако если промолчу, убийца будет разгуливать на свободе».

С лоджии я переместилась в кухню, пила кофе чашку за чашкой и пыталась найти соломонино решение. Вскоре пришлось признать: Соломон из меня никудышный, а жертвовать личным во имя общественного я пока не готова. «Одна надежда – Димыч», – стоя возле окна и глядя в опустевший двор, думала я, он явно что-то заподозрил. Надо объединить усилия... главное, самой не проболтаться, а его заставить разговориться. Задача не из легких. Однако другого выхода все равно нет. Вот завтра этим и займемся.

Назавтра идея не казалась мне особо удачной. Проснулась я часов в восемь, хотя намеревалась поспать подольше. Как-никак воскресенье, а впереди рабочая

неделя. Открыла глаза и уставилась за окно. День обещал быть солнечным, на душе по неведомой причине тоска, то есть причина вроде бы на поверхности: вчерашний труп и сопутствующие ему мытарства. Но было еще что-то. А вдруг Юрка передумал жениться? Хотя здесь и присутствовало «а вдруг», размышляла я об этом с каким-то безразличием. Верно говорят, есть две трагедии в жизни: неосуществленная мечта и осуществленная. Правда, мне-то об осуществленной мечте говорить еще рано...

– Тоже мне мечта – Юрка, – зло фыркнула я.

Не вставая с постели, я потянулась к фотографии жениха, украшавшей тумбочку рядом с кроватью. Вглядывалась в родные черты, надеясь обнаружить в себе хоть каплю высоких чувств, и погрозила Юрику кулаком:

– Даже не пытайся...

С трупом-то что? Куда этот тип мог его спрятать? Неужто до сих пор в квартире держит? «К Димычу лучше не соваться, – внезапно решила я. – Если этот прохвост узнает, в чьем доме я вчера очнулась... Ему и так известно обо мне неприлично много». Была в моей жизни еще одна тайна. После того как Танька увела у меня перспективного муженька, можно сказать, из-под носа, я в порыве отчаяния допустила роковую ошибку. Короче, напилась с горя и очнулась в одной постели с Шевчуком. Хотя клялась после того примечательного случая на даче, что никогда, ни-ни и все такое... Он, напротив, был уверен: мы созданы друг для друга. О чем и заявил. Гнать его сразу я не решилась, памятуя подлый характер, и только где-то через пару месяцев заявила, что с выбором ошиблась. Вижу в нем исключительно друга. Те два месяца я ему ни в жизнь не прощу... Кстати, Шевчук до сих пор ключ от моей квартиры не вернул. Выманив его под предлогом, что будет цветочки поливать, пока я на отдыхе в Греции (из цветочков у меня один кактус и без полива две недели прекрасно бы обошелся), а теперь под прочими дурацкими предложениями ключ не возвращает, при этом поглядывает с хитрецей, мол, еще пригодится, а я вместо того, чтобы его послать подальше, усмехаюсь в ответ. Приходится признать: Димку я побаиваюсь. Не его самого, а возможных пакостей. И в свете подобных открытий соваться к нему сейчас неразумно.

Словно в ответ на мои мысли, Димыч вдруг сам объявился. Позвонил часов в десять, когда, приняв ванну и окончательно решив мечтать о предстоящей свадьбе и ни во что не ввязываться, я пила кофе на лоджии.

– Как дела? – весело поинтересовался он.

– Нет у меня никаких дел. Отдыхаю.

– Хочешь, махнем на дачу?

– Мне туфли купить надо.

– Туфли – это серьезно, – со смешком заметил он. – Слушай, а ты Таньку давно не видела?

– Ты вчера уже спрашивал. С похорон ее сестры.

– Но вы перезваниваетесь?

– Нет, не перезваниваемся. Я ей несколько раз звонила, но она либо трубку не берет, либо обещает перезвонить и забывает.

– Чего она на тебя так взъелась?

– А на тебя?

– Ну... мы с ней уже довольно давно... как бы сказать... не друзья. С тех пор, как она замуж вышла. Может, думала, я мужу настучу о ее шалостях.

– Какие шалости? – усмехнулась я.

– Ну... согласись, кое-что было.

– Ты имеешь в виду секс на троих? Было бы о чем вспоминать.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился Димыч. – Но почему она с тобой не желает общаться? Вы же были лучшими подругами.

– Вот ее об этом и спроси, – огрызнулась я.

Мы еще немного поболтали и, наконец, простились. На душе было по-прежнему беспокойно, я бы сказала: стало даже муторнее. Повертев в руках мобильный, я набрала Танькин номер. Восемь гудков. Беседа со мной в ее планы не входила. Можно позвонить на домашний, есть шанс, что Танька трубку снимет. Если я начну расспрашивать ее о домработнице сестры, а через некоторое время выяснится, что та куда-то исчезла... Ведь решила никуда не соваться...

Бесцельно побродив по квартире, я вновь отправилась в свадебный салон. Перемерила с десятков платьев, выпила три чашки чая, потом съела две порции шоколадного мороженого в ближайшем кафе, но счастливее не стала. Позвонила Юрке, на этот раз он бодро откликнулся, но его голос, по неведомой причине, скорее раздражал. Выходные можно смело считать неудачными. Позвонить Светке? В кино сходить или вместе поболтаться по торговому центру.

Я уже собралась звонить подруге, как вновь объявился Димка.

– Ты где? – спросил взволнованно, после того, как достав мобильный из сумки, я буркнула «Да».

– Сижу в кафе, ем мороженое.

– Я возле твоего дома, дуй сюда, – голос его прямо-таки звенел от счастья. Или от волнения? Я бы сказала, от счастливого волнения. И что его так обрадовало?

– Ты в лотерею выиграл? – спросила я, подумав в досаде: «Только этого еще не хватало».

– У меня такая новость, почище всякой лотереи. Надо срочно обсудить.

– Это связано с Юриком? – забеспокоилась я.

– При чем тут Юрик? Ты можешь решить, что я спятил, но... короче, давай домой со всех ног. – Димыч засмеялся и добавил: – Ирка, она ничего не знает...

Пошли короткие гудки, а я с недоумением уставилась на телефон. Кто не знает? Чего не знает? Бред какой-то. Я собралась перезвонить Димке, но вместо этого поспешно расплатилась, подозвав официантку, и быстрым шагом направилась к

дому.

Машина Шевчука стояла во дворе, прямо напротив подъезда. Заглянув внутрь, я убедилась, что Димки там нет. Вряд ли решил прогуляться, скорее всего, торчит в моей квартире... Вот скотина... ключ у него надо отобрать. Сейчас же. И повод есть. В конце концов, я выхожу замуж, и моему мужу не понравится... Главное не мямлить, не увязать в объяснениях, а говорить с ним спокойно и твердо. Я поднялась на свой этаж, вставила ключ в замок, но дверь оказалась не заперта.

– Дима! – крикнула я, входя в квартиру. Сбросила босоножки и определила сумку на консоль. Димыч не отозвался. «Что за глупые игры», – подумала я и первым делом заглянула в кухню. Никаких следов присутствия дорогого друга. Обычно он сразу же кидался включать кофемашину, которую сам же мне и подарил.

На столе сиротливо стояла чашка, оставленная мною. Я сунула нос на лоджию – пусто.

– Димка, ты где? – я направилась в гостиную, ожидая, что этот придурок выскочит из-за двери с медвежьим ревом.

В гостиной его не оказалось. Зато на моем ковре валялись мужские брюки. С минуту я смотрела на них, пнула ногой, переворачивая, и с возмущением произнесла:

– Это что вообще такое...

Потом взгляд упал на ботинок, он завалился за кресло, второй обнаружился возле двери в спальню.

– Он что, спятил? – неизвестно у кого поинтересовалась я, толкнула дверь и пулей влетела в комнату.

В трех шагах от двери скомканная красная рубашка, и как апофеоз вселенского безобразия – сам Дима в моей постели, лежал, прикрытый одеялом, наружу торчала только его макушка. Очень хотелось огреть его по этой макушке чем-то тяжелым.

– Выметайся отсюда! – в сердцах рявкнула я.

Димка ничего не ответил и даже не пошевелился. Я представила, как он лежит и ухмыляется, огляделась в поисках тяжелого предмета, подошла ближе и повторила сквозь зубы:

– Выметайся.

И вновь тишина. Я потянулась к одеялу. А если он меня сейчас схватит и начнет приставать? А если изнасилует? С него станется.

– Дима, это не смешно.

Одеяло я приподняла, готовясь в любой момент отпрыгнуть и броситься вон, но Димка продолжал лежать без движений и как-то подозрительно тихо. «Затаился, гад», – подумала я и чуть-чуть к нему наклонилась, все еще готовая отпрыгнуть. Глаз Димки, обращенный ко мне, был открыт, но затуманен. Он смотрел, но вряд ли видел. В сознании вспыхнула догадка, но я категорически отказывалась ее принять.

– Дима, – позвала жалобно и потрясла его за плечо. А потом заорала и попыталась перевернуть на спину. Со второй попытки это удалось. К тому моменту я уже знала: в моей постели труп, и окровавленная грудь Димки, выглядевшая просто чудовищно, никаких сомнений не оставила. – Mamochka, – жалобно проблеяла я, зачем-то опять потрясла его за плечо и даже несколько раз легонечко ударила по щекам. Димке мои усилия были глубоко безразличны. Страх во мне перекликался с обидой: какого хрена ему понадобилось умирать в моей квартире? «Его убили!» – испуганно подумала я и начала оглядываться.

В квартире гробовая тишина и никаких признаков, что кроме нас тут кто-то есть, но в тот момент даже это не порадовало. Кто его убил? За что? И почему именно здесь? На свете много мест, где он мог бы скончаться. Надо звонить в полицию... я бросилась к телефону, бормоча «mamochka», и тут увидела картину, так сказать, чужими глазами. Димка в одних трусах в моей постели... вещи раскиданы по всей квартире... Боже мой... добавьте к этому ключи, которые он мне так и не пожелал вернуть... Никак нельзя в полицию. А куда можно? В отчаянии я набрала номер мамы, потому что никто другой на ум не приходил.

– Мама, – сказала я, с трудом сдерживая рыдания, – я нашла труп.

– Мужа ищи, дура, – ответила мама. – Тебе уже двадцать восемь, – и отключилась.

Я клацнула зубами и замерла с трубкой в руках. Папе можно не звонить. Его присутствие в моей жизни ограничивалось редкими встречами, во время которых папа, слегка стыдясь, просил у меня денег взаймы. За последний год он лишился жены (четвертой или пятой, я уже не помню), дачи (ее отсудила бывшая) и смысла жизни. О родителях плохо не говорят, это я усвоила еще в детстве, и никогда не жаловалась, но внезапно заорала:

– Мои родители – придурки! – топнула ногой, но тут же перешла на жалобный скулеж: – Меня посадят...

И вдруг вспомнила о древнем Греке, то есть о Протасове. Если он как-то сумел избавиться от одного трупа, может, сумеет и от второго. Мысль эта, несмотря на абсолютную бредовость, в тот момент показалась вполне здоровой. И вопросом, с какой стати Платону Сергеевичу мне помогать, я даже не задавалась. Поспешно нашла его номер и заорала в трубку, лишь только он произнес «да»:

– У меня труп в спальне.

– Чей труп? – ошалело спросил он.

– Моего друга.

– За которого ты замуж собралась?

– Нет, другого. Ради бога, приезжай.

– Ага, нашла дурака.

– Приезжай, иначе я в окно выброшусь.

– Мне-то что. Выбрасывайся на здоровье.

– Я ничего не понимаю... Какого дьявола его убили, да еще в моей квартире!.. – вопила я, точно сумасшедшая, и зачем-то пинала кровать ногой.

– Не ори, – сказал Платон. – Свой адрес назвать сможешь?

Я смогла, добрела до кресла и повалилась в него в глубоком отчаянье. Он спросил адрес, значит, приедет... Вдруг и вправду поможет? Труп каким-то волшебным образом улетучится, и в полицию звонить не придется. Тут весьма некстати объявилась мама, к счастью, по телефону. Теперь мамин голос звучал настороженно:

– Надеюсь, это шутка, – сказала она.

– Конечно.

– Дурацкая.

– Ага.

– Что за фантазии? Кстати, как твои дела?

– Отлично, мамочка, – косясь в сторону спальни, бодро ответила я.

– Некоторым можно позавидовать.

– Что-нибудь случилось? – задала я вопрос, резонно предположив, что как раз его мама и ждет.

– Меня беспокоит ситуация с недвижимостью.

– А что с ней?

– Яша купил квартиру в Ялте (Яша, кстати, мамин муж).

– У Яши нет денег, – напомнила я.

– Конечно, нет. Это мои деньги.

– Зачем тебе квартира в Ялте? – в тот момент все происходящее казалось мне дурным сном, убитый Димыч лежит в моей постели, а Яша покупает квартиру в Ялте. – Мама, мне с работы звонят, обсудим все позднее, – скороговоркой выпалила я.

Как раз в этот момент в дверь позвонили. Я бросилась в прихожую со всех ног, открыла дверь, даже в глазок не заглянув. Платон Сергеевич решительно шагнул в квартиру, спросив сурово:

– Где?

– Там, – ткнула я пальцем и припустилась вперед, указывая путь.

Платон подошел почти вплотную к кровати и присвистнул.

– Труп, – заявил с некоторым недоумением.

– Да, – согласно кивнула я, и тут же спросила с неиссякаемой надеждой: – Что теперь делать?

– В полицию звонить, блудница вавилонская.

– Это не я его, честно.

– Прокурору расскажешь. Что хоть за мужик?

– Мой друг. У нас с ним ничего не было.

– А зачем он тогда в кровать забрался?

– Не знаю, – зарыдала я, заподозрив, что помогать мне избавиться от трупа никто не спешит. – Он позвонил мне, собирался сообщить что-то важное. У него был ключ. Он за квартирой присматривал, когда я уезжала. Я пришла, а он здесь...

– Версия так себе... – поморщился Платон Сергеевич.

– Это как-то связано, – вдруг озарило меня. – Сначала убили домработницу Ольги...

– Она-то здесь при чем?

– Вчера мы с Димкой говорили о похищении...

– Димка – это покойник? – насторожился Платон Сергеевич.

– Вот именно. И он... он явно что-то заподозрил...

В этот момент я вспомнила свою вчерашнюю версию и затосковала: Платон Сергеевич выступал там в роли злодея. И от него я жду помощи.

– «Американская трагедия», – кивнул он. – Это тебе твой Димка наплел?

– Говорю же, убийства как-то связаны... Димка что-то узнал или догадался...

– Она догадалась, он догадался... – передразнил Протасов. – Ладно, намек я понял: ты донесешь на меня.

– Мне придется, – трагически произнесла я. – Платон Сергеевич, если они сейчас приедут и все это увидят... как я объясню своему жениху...

Не успела я это сказать, как в дверь позвонили. Мы разом вздрогнули и уставились друг на друга.

– Чего ты стоишь? – зашипел Платон. – Посмотри, кого принесло.

Слегка пошатываясь, я отправилась в прихожую, ожидая увидеть полицию, но увидела Юрку. Держа в руках огромный букет, он глупо улыбался, таращась на дверной глазок.

– Мамочка, – простонала я и на цыпочках кинулась в гостиную. – Там Юра.

– Тоже друг?

– Мой жених. – Юрка между тем продолжал давить кнопку дверного звонка. – Если он увидит... мне конец, – пискнула я. – Надо его спрятать.

– Кого?

– Димку. Потом избавиться от Юрки.

– Какой смысл ты вкладываешь в это слово, дорогая?

– Заткнись, гад, – перебила я. – Вы провожу Юрку...

– Проще дверь не открывать.

– Он не уйдет. Позвонит мне и станет ждать, – тут раздался веселый мотивчик, я схватила мобильный, звонил, конечно, Юрка.

– Ты могла не слышать звонок, – зашипел Платон Сергеевич.

– Его надо спрятать, и не спорь со мной, – зашипела я.

Грек, чертыхаясь, подхватил Димку под мышки.

– Сунем его под кровать.

– Лучше в шкаф, – начала приходить я в сознание. – Кровать слишком низкая...

– Ну так шевелись, – рявкнул он.

Я бросилась к шкафу, сдвинула в сторону вешалки и бестолково вертелась рядом, пока Платон Сергеевич запихивал бесчувственное тело в освободившееся пространство.

– Какой черт занес меня на эту галеру? – бормотал он.

– Что?

– Это цитата.

– Нашел время выпендриваться.

– Постель! – рявкнул он.

Я метнулась к кровати, быстро застелила ее покрывалом и, наконец, ответила на звонок мобильного, уже третий по счету.

– Да, милый.

– Ты где? – голос Юрки звучал сурово.

– Дома.

– Я звоню...

– Была в ванной. Как дела в Питере?

– Я возле твоей двери. Открой сейчас же...

– Ты вернулся, – счастливо ахнула я и устремилась к входной двери, шепнув Платону: – Спрячься...

Распахнув дверь с мобильным в руке и с улыбкой восторга на перекошенной от ужаса физиономии, я предприняла попытку обнять возлюбленного.

– Милый...

Но он, отгородившись букетом, сказал с подозрением:

– Ты сказала, что была в ванной...

– Собиралась прогуляться, – уткнувшись взглядом в свое платье, сообщила я.

– Ты как-то странно выглядишь. – Юрик вошел в квартиру, оглядываясь и даже принюхиваясь.

«Этот придурок еще и ревнует», – с досадой подумала я. Юрик сунул мне букет и прямоком направился в спальню.

– Ты же собирался вернуться в понедельник, – напомнила я.

– Запах какой-то странный, – ответил он, взгляд его метался от шкафа к постели, а я гадала, где спрятался Платон.

Юрка вдруг заглянул под кровать, приподняв покрывало, а я возмущенно сказала:

– Ты меня в чем-то подозреваешь?

– Подозреваю? – физиономия жениха слегка кривилась. – Да я почти уверен... Десять минут дверь не открывала, руки трясутся, и выглядишь так, точно встретила покойника.

«Вот это в самую точку», – хотелось ответить мне.

– Глупость какая, может, ты меня все-таки поцелуешь?

Я подумала, куда приткнуть букет, и положила его на кровать. Юрка не слушая меня, направился к окну и схватился за штору. Я замерла, почти уверенная, что за шторой укрылся Платон. Юрик злорадно взглянул на меня, дернул штору, а я с облегчением вздохнула: никого. Где же Грек? В гостиной спрятаться негде. В кухне тем более, если только на лоджии, но Юрка туда непременно заглянет. Женишок между тем решительно направился к шкафу, а я бросилась наперерез и заключила его в объятия.

– Я так соскучилась... – повиснув у него на шее, залепетала я, на мгновение возникла надежда, что шкаф останется не тронут, но в тот день моя удача где-то задержалась, и вскоре наши объятия скорее напоминали борьбу, я упорно

висела на шее Юрки, а он упорно пытался выскользнуть. Перевес оказался на его стороне.

– Убирайся отсюда! – рявкнула я, сообразив, что шкаф успел стать его навязчивой идеей. – Меня оскорбляют твои грязные подозрения.

– Или ты откроешь шкаф, или никакой свадьбы не будет, – взгляд Юрки метал молнии, и стало ясно: мое замужество откладывается на неопределенный срок.

– Вон! – ткнув пальцем в направлении выхода, лаконично произнесла я.

– Ах, вот, значит, как... И кто этот тип?

– Вон, я сказала...

Юрка оттолкнул меня и схватился за ручку шкафа.

«Конец», – успела подумать я, зажмурившись, и услышала вежливый голос Платона Сергеевича:

– Добрый день.

К тому моменту, когда глаза я открыла, дверца шкафа была распахнута, и древний Грек шагнул в спальню, с мягкой улыбкой на устах, аристократической сдержанностью манер и исключительным достоинством. Все это не очень-то подходило случаю, но впечатление произвело. Юрик замер с открытым ртом, а я подумала: «Живой Протасов все-таки лучше мертвого Димки, тем более что мечта о замужестве так мечтой и останется».

– Платон Сергеевич? – дважды моргнув, пролепетал Юрик.

– Мы знакомы? – вежливо осведомился тот.

Юрка пошел пятнами, потом вдруг побледнел и отчетливо произнес:

– Ах, ты, сволочь, – и по-бычьи нагнув голову, ринулся вперед, Грек отклонился в сторону, счастливо избегнув столкновения, и Юрка с размаху влетел в шкаф. О том, что было дальше, вспоминать не хочется. На ногах он не устоял и рухнул, а из шкафа на него рухнул потревоженный Димка. Юрка орал, пытаясь отползти в сторону, этому препятствовала кровать, я тоже орала, больше всего на свете желая упасть в обморок и не приходить в сознание как можно дольше, а Платон Сергеевич, пристроившись на кровати, с печалью в голосе опять кого-то цитировал: «Кажинный раз на этом самом месте...»

Трудно сказать, сколько все это длилось, Юрка бился на полу, я, продолжая орать во все горло, все-таки попыталась ему помочь, тут и Платон Сергеевич решил поучаствовать. Жених благополучно поднялся на ноги, поддерживаемый Протасовым, покосился на труп возле своих ног и, заикаясь, спросил:

– Это что вообще такое?

– Нельзя ли, наконец, заткнуться? – вежливо обратился ко мне Платон.

Горло драть сейчас действительно уже не стоило, рот я захлопнула и на него уставилась, справедливо рассудив: если он соображает куда лучше, чем я, то и отвечать на Юркины вопросы надлежит ему.

– Хотите воды? – вздохнул Грек, должно быть, готовясь к нелегкому разговору.

– Охренеть, – произнес Юрка, не в силах отвести взгляд от покойника, вопрос он вряд ли слышал.

– Хочу, – ответила я.

Платон одной рукой подхватил меня, другой Юрку, и мы направились в кухню.

– Что тут произошло? – сразу же задал вопрос мой избранник, что-то подсказывало мне: в женихах ходить ему недолго осталось. – Как Димка оказался в твоей спальне? Ведь это Димка Шевчук?

Платон включил электрический чайник, потом заметил кофемашину и сделал три эспрессо. Я благодарно кивнула, устроившись за столом, Юрка нервно

метался от окна к двери кухни.

– Кто-нибудь может мне объяснить?

– Ирина... э-э-э... простите, не знаю отчества... обнаружила труп в своей постели. Сколько сахара?

– Какой сахар? – заорал Юрка. – Как это обнаружила труп в своей постели? – он наклонился ко мне, едва не ткнувшись носом в мой лоб.

– Вот так! Вошла, а он лежит. Перед этим он мне звонил. Сказал, надо срочно встретиться. Собирался ждать меня здесь... я в торговом центре была.

– А как он в квартиру вошел? – ядовито осведомился Юрик.

– У него был ключ, он цветы поливал... давно, я все забывала его забрать.

– Отлично! У него был ключ, и он устроился в твоей постели. Потом явились вы с Платоном Сергеевичем...

– Вовсе нет, – перебила я. – Я одна пришла. Увидела Димкины вещи, очень удивилась. С какой стати ему раздеваться?

– Вот-вот, – съязвил Юрик.

– А потом увидела его в кровати, мертвого. Ужасно напугалась. Позвонила маме, но мама решила, что я дурака валяю. И тогда я позвонила Платону Сергеевичу.

– Почему вдруг ему?

Это был самый трудный вопрос, Платон смотрел на меня с большой печалью, тоже ожидая ответа.

– Я хотела позвонить папе... И случайно набрала номер Платона Сергеевича. Я была в таком состоянии... Я закричала, что здесь труп, что я сейчас же умру, если мне не помогут.

Грек перевел дух, слегка улыбнулся и заговорил:

– Разумеется, я бросился сюда...

– Очень благородно, – хмыкнул Юрик, он успел выпить кофе и прийти в себя, по крайней мере, испуганным уже не выглядел. – Если вы с этой байкой собираетесь к полицейским... Надеюсь, у вас, Платон Сергеевич, есть хороший адвокат. Деньги у вас точно имеются, так что обзаведитесь.

– Но это правда... я тебе клянусь, – глядя на жениха без особой надежды, промямлила я.

– По-моему, все предельно ясно. Все как в анекдоте, муж в командировке и все такое... Для меня большая удача, что я вовсе не муж. Дорогая, – повернулся он ко мне, – думаю, ты согласишься, что вмешивать меня в это дерьмо не стоит. Меня здесь не было, никаких трупов я не видел и понятия не имею, кто уколошил несчастного Димку и за что. Это в ваших же интересах.

– Не мы его уколошили, – возмутилась я. – Говорю тебе, когда я вернулась в квартиру, он был уже мертв.

– А где в это время был Платон Сергеевич?

– Платон Сергеевич играл в боулинг в компании друзей, – ввернул тот.

– И джентльменски пришел на помощь, – покивал Юрка. – Надеюсь, у тебя, милая, тоже есть алиби? Пожалуй, я пойду... – он в самом деле направился к выходу.

А я спросила:

– Ты бросишь меня в таком положении?

– А чем я могу помочь? Друзей стоит выбирать осмотрительнее, а убивать их в своей квартире и вовсе ни к чему. Если пообещаешь молчать о том, что я был здесь, так и быть, подскажу толкового адвоката... – Юрик кашлянул и, не дожидаясь моего ответа, поспешно скользнул к входной двери и мгновенно

скрылся. Меня почему-то это ничуть не удивило.

– Кажется, со свадьбой придется повременить, – грустно заметил Платон Сергеевич.

– По крайней мере, теперь не надо голову ломать, какое платье выбрать, – кивнула я, радуясь, что мои намерения соединить свою судьбу с Юркиной носили исключительно деловой характер. Как бы хреново я себя чувствовала, люби я его взаправду, то есть я и сейчас себя чувствую хреново, но совсем по другой причине.

«Значит, Юрка решил, что Димыча убил кто-то из нас двоих, – подумала я. – Заподозрил меня в любовной связи с обоими? Я была в постели с одним, когда пришел другой... – тут я покосилась на Платона Сергеевича. – А что... неплохая версия. Свадьбы не видать, так хоть в тюрьме не окажусь. У Грека денег куры не клюют, значит, и адвокат-волшебник найдется...»

– Я был в боулинге с друзьями, – словно читая мои мысли, напомнил Платон. Впрочем, в том состоянии, в котором я пребывала, все мои мысли, скорее всего, слишком явно отображались на физиономии, – и о твоём звонке сказал. Так что спихнуть труп на меня не удастся.

– Я и не собиралась, – с обидой на его предусмотрительность отмахнулась я. – И что теперь делать? – добавила с тяжелым вздохом.

– Теперь без вариантов: полицию вызывать. Твой Юрик не из тех, на кого можно положиться. Чего доброго, шантажировать начнет.

«И это меня бы не удивило», – подумала я. Кстати, о шантаже. Юрик сказал, что друзей стоит выбирать осмотрительней... возможно, у него есть еще одна версия развития событий. К примеру, такая: Димыч шантажировал меня накануне свадьбы, и я его убила, должно быть, в припадке безумия. Моим предполагаемым любовником и предметом шантажа был Платон Сергеевич, оттого и примчался на мой зов. Обе версии вели меня прямехонько в тюрьму. Я обхватила голову руками и спросила без особой надежды:

– Других вариантов точно нет?

Платон Сергеевич поджал губы и головой покачал.

– Тогда пойду сдаваться, – я потянулась к телефону, вздохнула еще раз и сказала: – Если Юрка сбежал, тебе здесь оставаться совсем уж глупо. Не бойся, про твой труп я болтать не стану.

– Мой труп? – передразнил он, но тут же насторожился: – С чего вдруг такое благородство?

– Пользы для себя не вижу. – «Чего доброго и тот труп на меня повесят», – мысленно добавила я, шмыгнула носом и продолжила: – Спасибо.

– За что?

– По крайней мере, ты пытался помочь.

Платон Сергеевич взял трубку из моих рук.

– В полицию я сам позвоню, и своему адвокату тоже. Эй, – позвал он, – скажи честно, это ты его?

– Спятил? – возмутилась я.

– Тогда не дрейфь, прорвемся.

«Хорошо тебе говорить, – думала я, пока он сообщал о трупе в полицию. – У тебя алиби, а у меня что? Димка, гад... не мог скончаться в другом месте... и какого лешего он в мою постель полез? Объясняйся теперь, что он там делал... Но ведь кто-то его убил... И почему в моей квартире? Ну, это как раз просто: чтоб убийство на меня свалить. А как убийца в квартиру вошел? Ему Димка открыл? Выходит, они знакомы? Необязательно, ведь это моя квартира, а Димка мог и не знать всех моих друзей...» – тут размышления пришлось прервать.

Платон Сергеевич закончил объясняться по телефону и ко мне повернулся.

– Ты как? Может, еще кофе выпьешь?

- Давай, – пожала я плечами. – В тюрьме меня вряд ли кофе порадуют.
- Рановато в отчаяние впадаешь.
- Ладно. Скажешь, когда пора придет.
- Оружие в доме есть? – деловито спросил он.
- Какое? – вытаращила я глаза.
- Огнестрельное. В отличие от Нины, твоего Димку не зарезали, а застрелили.
- Это хорошо или плохо? – нахмурилась я.
- Так есть оружие или нет? – не отставал он.
- Конечно, нет. Откуда?
- Ну, может, подарил кто. Для самообороны.
- У меня даже газового баллончика нет. Я хожу только в приличные места и с приличными людьми, – тут я вспомнила вечер пятницы и глаза закатила.

Не успела я допить чашку кофе, как в дверь позвонили. Платон Сергеевич махнул рукой, предлагая мне оставаться на месте, и открывать пошел сам. В кухню заглянули двое молодых людей в форме и спросили:

- Ну, где у вас тут покойник? Показывайте.

Грек отправился с экскурсией, а меня начало трясти, мелко-мелко и очень сильно. Жизнь в одночасье рухнула, как это обычно бывает в сериалах, но, в отличие от сериалов, хеппи-энд в реальной жизни вовсе не обязателен. «Самое обидное, я ведь действительно его не убивала», – подумала я и заревела, то ли от возмущения, то ли все-таки от страха.

Через полчаса по моей квартире сновало уже не меньше шести человек. На меня поначалу внимания вроде не обращали, и я знать не знала, радоваться этому или подождать. Наконец, появился прилично одетый молодой человек (светлые брюки и фирменная рубашка с короткими рукавами), устроился за столом напротив меня и произнес:

– Что ж, Ирина Петровна, слушаю вас.

Вид имел не то чтобы скучающий, скорее отрешенный, а я подумала: «Сегодня воскресенье, он, возможно, отдыхал с друзьями или с любимой девушкой, а тут я со своим трупом...»

Подперев щеку рукой, я не торопясь начала рассказывать. Судя по направленности вопросов, которые время от времени задавал Павел Аркадьевич (так звали следователя), он сделал ставку на версию «любовного треугольника». Тут я подумала, а где Платон Сергеевич? Хотела спросить об этом следователя, но передумала. Скорее всего, Грек где-то в квартире, иногда мне даже казалось, что я слышу его голос.

– Значит, вы пришли и обнаружили на кровати труп? – уже в третий раз уточнил Павел Аркадьевич.

– Да.

– Что было дальше?

– Позвонила маме. Мама решила, что я спятила, и я позвонила Протасову.

– Почему Протасову?

– Потому что он на букву «п». Я хотела позвонить папе, а попала на Протасова. Он тоже решил, что я спятила, но приехал.

– А что вы делали в это время?

– Сначала лежала в обмороке, а потом еще раз поговорила с мамой. Мама решила узнать, что это мне вздумалось так шутить.

– Ага, – кивнул Павел Аркадьевич, быстро что-то записывая. – Приехал Протасов, и что?

– Прошел в спальню и тоже едва не свалился в обморок. У меня была истерика, и он приводил меня в чувства. Расспросил, как все было, и сказал, что надо срочно звонить в полицию.

– Разумно. – Павел Аркадьевич внимательно посмотрел на меня и задал очередной вопрос: – Ирина Петровна, вы обнаружили труп в постели, а почему он на полу оказался? – и добавил, чересчур пристально глядя мне в глаза: – Скажите, зачем вам понадобилось несколько раз его перетаскивать?

«Черт», – мысленно выругалась я. Детективы я смотрела и могла бы предположить: они непременно узнают о том, что мы Димку беспокоили. Как же я об этом не подумала... Или это Платон успел им все рассказать?

– Я пыталась его спрятать.

– Спрятать труп? – уточнил следователь. – Где спрятать?

– В шифоньер или под кровать. Не от полиции. Просто мой жених внезапно вернулся из Питера. У нас свадьба должна быть в сентябре. Что бы он подумал, увидев Диму в моей постели?

– Вы имеете в виду уже мертвого гражданина Шевчука?

– Конечно, мертвого. Живому Шевчуку в моей кровати делать нечего. Он ведь не чокнутый, мы с ним друзья... были... и он прекрасно знал, что я замуж выхожу... я только вчера ему об этом рассказывала...

– И вы попытались спрятать труп?

– Да. И труп, и Платона Сергеевича, который к тому моменту приехал. Но это не помогло: мой жених заподозрил неладное, потому что я долго дверь не открывала... и нашел обоих.

Следователь моргнул, не стесняясь, погрыз авторучку и весело фыркнул. Потом нахмурился:

– И что?

– Сказал, что замужество мне не светит, и просил его во все это не впутывать.

– Ну и жених у вас.

– Теперь и такого нет, – огрызнулась я, подумала о маме и решила, что самое скверное у меня еще впереди.

Еще примерно с полчаса я отвечала на вопросы, потом что-то подписывала и вновь на вопросы отвечала. В кухне появился мужчина постарше, пошептался с Павлом Аркадьевичем и тот сказал:

– Вам необходимо проехать с нами...

«Все, – мысленно ахнула я. – В тюрьму отправляют».

Наручники на меня, вопреки ожиданиям, не надели, и без кандалов тоже обошлось, хотя кандалы я, конечно, с перепугу напридумывала. В сопровождении Павла Аркадьевича я вышла из подъезда и смогла лицезреть группу соседей, с заинтересованным видом стоявших неподалеку.

«Придется квартиру менять, – подумала я и тут же хмыкнула: – Похоже, тебе государственное жилье обеспечено. Лет на пять, а то и больше».

Тут я заметила Платона Сергеевича. Он стоял возле белоснежного «Мерседеса» в компании блондина лет сорока с таким презрительным выражением на лице, что я была почти уверена: блондин адвокат, к тому же успешный.

Завидев меня, он широко улыбнулся, Протасов тоже улыбнулся, правда не так уверенно и лучезарно, зато его улыбка показалась мне в тот момент вполне искренней. Я всхлипнула от жалости к себе, а Платон Сергеевич мне подмигнул. «Вот бы повезло сейчас проснуться и узнать, что никаких трупов и в помине не

было».

К моему величайшему удивлению, в тюрьму меня не отправили, ограничившись подпиской о невыезде. Мало того, довольно скоро выяснилось, что я хоть и подозреваемая, но никаких оснований считать меня убийцей пока нет. Более того, успел появиться еще один подозреваемый. И тут надо сказать большое спасибо нашей управляющей компании. Их обычно ругают, и я, кстати, не исключение, чего обещаю впредь не делать, даже если дворники останутся только в устных преданиях и родной подъезд будет погребен под кучей мусора.

Оказывается, неделю назад над дверью подъездов установили видеокамеры. Еще в прошлом году с меня содрали приличные деньги на это новшество, и я все собиралась заглянуть к ним в офис и поскандалить. Но то времени не было, то настроения. В конце концов я попросту забыла и о деньгах, которые из меня выцыганили, и об обещаниях безопасности, щедро раздаваемых нашим управляющим, забыла обо всем, в том числе и о камере, на появление которых внимания не обратила. К счастью, она висела над дверью не просто так, а была подключена, и движение у подъезда в тот злополучный день оказалось запечатленным на пленке. Вслед за Димкой в подъезд вошел мужчина. Он догнал его буквально возле двери, не дав ей захлопнуться в последний момент. Димыч разговаривал по мобильному и на мужчину попросту не обращал внимания. По тому, как мой приятель себя вел, мужчина был ему не знаком, а звонил он, судя по времени, мне. Еще одно безусловное везение: соседка с четвертого этажа (дом у нас пятиэтажный и лифта нет) чуть позже, поднимаясь по лестнице, видела, как из моей квартиры вышел мужчина, и громко сказал: «Пока», но сказал он это уже после того, как дверь прикрыл, так что не совсем понятно, к кому обращался. Тамаре Степановне, тетке въедливой (за это ее качество соседку я не особо жаловала, хотя теперь была ей бесконечно благодарна), поведение мужчины показалось не то чтобы подозрительным, но достойным того, чтобы обратить на неизвестного внимание. Ее желание явно шло вразрез с его, он держался как-то боком, отвернувшись к стене, и спустился вниз весьма поспешно. Все это соседку насторожило до такой степени, что она решила вернуться и позвонить в мою дверь с целью убедиться: все ли у меня в порядке. Она позвонила, но ей никто не открыл, она отправилась к себе и в кухонное окно увидела, как я подхожу к подъезду. Тут же решила, что меня ограбили, но, во-первых, у попавшегося ей навстречу в руках не было ни сумки, ни прочих предметов, куда можно сложить похищенное, во-вторых, в моей квартире после возвращения хозяйки, то есть меня, царила тишина, в чем она смогла убедиться, выглянув на лестничную клетку и прислушиваясь. А если бы я обнаружила пропажу, то подняла бы шум... Совершенно справедливое

замечание, из квартиры действительно ничего не пропало, напротив, там даже кое-что появилось. Кое-что, о чем вспоминать теперь не хотелось... В общем, соседка вернулась к своим делам, но как только начался опрос жильцов, выступила с сольным номером. Описание, данное ею неизвестному, соответствовало человеку, зафиксированному камерой. Выше среднего роста, сутулый (или таким старался казаться), одет в брюки и розовато-бежевую рубашку. Бейсболка надвинута на самые глаза. Разглядеть лицо на пленке возможным не представлялось, мужчина о камере знал и держался к ней спиной, да и от соседки старательно отворачивался. Описать его физиономию она затруднялась. Камера также зафиксировала появление Протасова, а затем и Юрки, что подтвердило мои слова.

Разумеется, если б не показания соседки, дела мои были бы совсем плохи. Доказывай, что Димыч был уже мертв, когда я вошла в квартиру. И версия о любовном треугольнике выглядела бы наиболее естественной, но тот факт, что перед моим появлением в квартире был посторонний, причем шедший по пятам за Димкой... Переход от величайшего отчаяния к величайшему счастью, оттого что тюрьма отменяется, был чрезвычайно стремителен, вот я и пребывала в полном обалдении. Запись с камеры видеонаблюдения мне показали, но я, к огорчению следователя, не только не узнала человека в бейсболке, но и предположить затруднялась, кем он может быть. Димка его точно не узнал, а все мои знакомые (особенно мужчины) ему хорошо известны. Или почти все.

Сколько я ни напрягала зрение и память, но ничего толкового рассказать не могла. Второе немаловажное обстоятельство: застрелили Димку вовсе не в постели, а в прихожей, что позволило предположить: убийца вошел в квартиру вместе с жертвой. Скорее всего, угрожая оружием. И пистолет был с глушителем, по этой причине соседи выстрела не слышали. Убийца, желая запутать следствие, перенес тело в спальню, сняв с него одежду (большое ему за это спасибо), в квартире он находился восемь минут, то есть вошел, застрелил Димку, стянул с него одежду, положил труп на кровать и смылся. Значит, у него просто не было времени на то, чтобы выяснять отношения с жертвой. Следовательно, убийство предумышленное и хорошо спланированное. Действовал убийца хладнокровно. Наемный киллер? Только с какой стати кому-то понадобилось Димку убивать, да еще в моей квартире? Само собой, этот вопрос очень интересовал следователей, и задавали они его, за неимением другой кандидатуры, мне. Пришлось подробно вспомнить о нашей встрече накануне. Светке после этого тоже пришлось отвечать на вопросы, и она очень красочно описала, как Димыч вдруг переменялся в лице и поспешил нас покинуть. А на следующий день решил со мной встретиться, причем срочно.

– Она ничего не знает, – несколько раз старательно повторила я следователю его последнюю Димкину фразу, но что сие означает и чего такого важного мог он узнать, я вообразить не могла. Хотя логично предположить, что все это имело отношение к недавнему похищению и убийству. Ведь мы его обсуждали накануне. Оставалось лишь горько сожалеть, что по телефону я не задала Шевчуку наводящие вопросы. Кто ж знал, что через несколько минут его уже не будет в живых... не то бы намекнул, в каких краях убийцу искать.

Димку было жаль, особенно после того, как стало ясно: тюрьмы я счастливо миновала. Я всплакнула и теперь вспоминала исключительно его добрые качества, начисто забыв, что еще пару дней назад желала ему провалиться сквозь землю. Говорят, что мысль материальна. Неужто я в самом деле виновата в Димкиной гибели? На самом-то деле я просто хотела, чтобы он оставил меня в покое. Но сомнения прочно угнездились в моей душе и нервировали... К этому прибавились разбитые надежды: из невесты я вновь превратилась в женщину, свободную от каких-либо обязательств, что отнюдь не радовало, и кольцо на пальце являлось весьма слабым утешением. Бриллиант, конечно, неплох, но он явно не компенсировал полтора года, которые, как теперь стало ясно, потрачены зря. В целом мое душевное состояние оставляло желать лучшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-polyakova/vyyti-zamuzh-lyuboy-cenoy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)